

Сергей Георгиевич Донской
Волки в погонах
Серия «Майор ФСБ Олег Громов»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=280792
Волки в погонах: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-008604-0*

Аннотация

Взрыв самолета с гуманитарной помощью для Чечни – совсем не пустяк, на который можно закрыть глаза. И майор ФСБ Громов должен раскрыть этот теракт, даже если ему приказали свернуть расследование. Организаторам взрыва ясно: с дотошным майором пора кончать. Но Громов не простой фээсбэшник – с его боевым опытом не сравнятся никакие потуги вояк. И не в его правилах убегать по-заячьи от преследователей – он сам загонщик. Громов знает имена преступников и начинает свою охоту...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Донской

Волки в погонах

Каждая твоя победа – твое личное завоевание. Ее нельзя ни с кем разделить. И каждая твоя победа – лишь начало, лишь первая стычка. Настоящая же битва всегда впереди.

Карлос Кастанеда.
«Путь воина»

Пролог

Мужчина был с ирландской бородой, в бермудских шортах и с японским фотоаппаратом. У девушки не имелось ни того, ни другого, ни третьего. Все ее вещи и вся ее одежда остались на заднем сиденье молочно-белых «Жигулей». Машина принадлежала мужчине. Девушка – пока что нет, но все шло к тому. Это ее не пугало. Позировать обнаженной ей еще не приходилось, зато отдаваться мужчинам – сколько угодно. Правда, не в таких отдаленных местах, как окрестности Внукова. Она вообще не понимала, для чего нужна была эта поездка. Тащить за тридевять земель для того, чтобы перепихнуться? Мужики, когда им за тридцать, вечно с какими-то закидонами. Станный народ. Озабоченный и непредсказуемый.

Впрочем, когда добрались до места, ей здесь неожиданно понравилось. Где-то далеко за деревьями тянулась железная дорога, но даже шум проходящего состава звучал в этом безлюдном уголке как-то умиротворяюще и патриархально. Почти как тысячеголосое стрекотание кузнечиков. Как щебет птиц и ленивое урчание лягушек в поблескивающей среди зелени реке.

– Это Сетунь здесь протекает, да? – поинтересовалась девушка.

Она сидела на расстеленном под ольхой пледе, обнимая обеими руками согнутые ноги. Ее подбородок упирался в ложбинку между коленей, и потому слова прозвучали не очень внятно.

– Что? – спросил мужчина.

Он возился со своим замечательным фотоаппаратом, навинчивая на объектив какие-то насадки и светофильтры. На девушку, загородившуюся от него собственными ногами, он старался лишний раз не смотреть, чтобы не спугнуть ее раньше времени. Такие выезды на природу были для него настоящими праздниками. Редко кто из девушек соглашался позировать нагишом в лесу, хотя некоторые из них были не прочь провести с мужчиной время в цивилизованной обстановке. Его это не устраивало. У него получалось только на природе. Можно сказать, что он являлся прирожденным фотоохотником.

– Так Сетунь или не Сетунь? – напомнила девушка о своем существовании.

– А! – рассеянно откликнулся мужчина, оценивая цепким взором освещение, чтобы правильно выставить диафрагму. – Понятия не имею, честно говоря. Какая разница?

– И что же, вы даже не знаете, куда привозите своих знакомых? – спросила девушка.

Это было произнесено якобы кокетливым тоном, но в летнем воздухе зависло смутное недовольство.

Мужчина, наконец, оставил фотоаппарат в покое и позволил ему свободно повиснуть на кожаном ремешке, чуть выше выпуклого мохнатого живота.

– Какая разница? – повторил он. – Я выбираю места съемок наугад. Главное, чтобы пейзаж был достаточно живописным.

– А фотомодель, выходит, дело десятое?

– Почему десятое? Я же все-таки обнаженную натуру снимаю, а не красоты родной природы.

Непонятно почему девушка рассердилась.

– Ладно, – сказала она, – деньги на бочку, и приступим. Я через два часа должна быть дома.

– Успеем, – пообещал мужчина. Отблески стеклышек его очков внезапно потускнели, словно они запотели изнутри. – Тут езды километров тридцать.

– Сорок. Деньги давайте!

– Да пожалуйста, пожалуйста. – Он суетливо извлек из кармана шортов сложенные прямоугольничком пятьдесят долларов.

Протянутая рука выхватила их, но мужчина следил не за рукой, а за ее обладательницей, распрямившейся во весь рост.

– Когда снимки опубликуют, ты получишь в десять раз больше. – На протяжении этой короткой фразы его голос дважды предательски дрогнул.

– Ой, только не надо лапшу мне на уши вешать, – презрительно сказала девушка, с головой окунувшаяся в душное нутро «Жигулей». – Щелкайте, и все.

Когда она опять возникла перед мужчиной в слепящем солнечном свете, денег в ее руке уже не было.

– Прекрасно, – произнес мужчина, поправив очки на переносице. – Просто прекрас... – Его кадык спазматически дернулся.

– Что прекрасно? – Разглядывая его прищуренными глазами, девушка приложила руку козырьком к своей каштановой челке.

– Ты отлично сложена.

– Ага, – хмыкнула она. – Пряма Наоми Кэмпбэлл.

– Как ты сказала?

– Неважно. Где становиться?

– Там. – Мужчина указал рукой на открытое пространство. – Я хочу взять тебя на фоне облаков.

– Ишь ты – взять! Мало ли чего вы хотите!

– Это термин такой, – заволновался мужчина. – Ничего плохого я не подразумевал...

– Ладно вам распинаться. Вы же меня не насиловать собрались?

– Нет. – Борода мужчины отрицательно качнулась из стороны в сторону. – Конечно же, нет.

– Наша песня хороша...

– Клянусь...

– Знаю я ваши клятвы!

Прихлопнув слепня на своем голом плече, девушка отправилась занимать указанную ей позицию. Она знала, что ноги у нее коротковаты, а потому старалась ступать пружинисто, приподнимаясь при каждом шаге на носок. Если бы не острые сучки под босыми подошвами, это получалось бы у нее значительно грациознее.

– Достаточно! – крикнул мужчина, когда она удалилась на пятнадцать шагов. – Повернись ко мне вполоборота и замри. Руку на бедро.

– Так?

– Так, так... – Затвор фотоаппарата утвердительно зацелкал. – Теперь лицом...

– Погоди...

Девушка запрокинула голову, что-то выискивая глазами в небе.

– Что ты там увидела? – спросил мужчина.

Он тоже бросил взгляд на небо, но тут же перевел его на девушку. Судя по ее ровному загару, она запросто обходилась без купальника. Это открытие мужчину приободрило. Придерживая фотоаппарат, елозющий по взможишему животу, он начал взбираться на пригорок, где стояла его новая знакомая. Уже четвертая за это лето.

– Самолет, – сообщила она мечтательно. – Летит куда-то.

– Конечно, летит, – снисходительно согласился мужчина. – Для того он и создан.

– А вы для чего?

– Я? Ну, мало ли...

Девушка избавила его от необходимости подыскивать достойный ответ.

– Вон он! – звонко крикнула она.

– Где? – Мужчине было непросто оторвать глаза от ее радостно подпрыгивающей попки.

– Да вот же! Прямо у нас над головой!

– Вижу.

Он не услышал собственного голоса. Вверху громыхнуло. Тяжелая серебристая капля самолета, набравшего высоту, сначала как бы застыла в небе, а потом вдруг начала заваливаться набок и падать, трансформируясь прямо на глазах. Сначала от пузатого корпуса отвалилось одно крыло, а потом и сам он переломился пополам.

Низкий гул двигателей захлебнулся. Дальше останки самолета падали совершенно беззвучно, хотя становилось их с каждой секундой все больше. Было тихо-тихо, пока эту противоестественную тишину не прорезал пронзительный голос девушки:

– Снимайте! Скорее снимайте!

– Да, – приговаривал мужчина. – Да, да.

На самом деле его одеревеневшие пальцы никак не могли взвести затвор фотоаппарата. Он просто стоял с отвисшей челюстью и наблюдал, как с задымленного неба летят вниз крутящиеся обломки. Летят прямо на него. Кажется, он даже слышал нарастающий свист всей этой груды металлолома. Более глупую смерть трудно было себе представить. Мужчина не желал умереть вот так – среди бела дня, прихлопнутый куском железа на солнечной поляне.

– А-а! – закричал он, приседая рядом с холмиком муравейника и прикрывая голову скрещенными руками.

А потом посыпались обломки. Они падали, падали... яростно шурша листвой... с остервенением впиваясь в землю... порождая оглушительные всплески в речке...

Это длилось невыносимо долго, и на протяжении всего этого времени мужчина не знал в точности, жив он еще или уже умер.

А когда он, наконец, отважился разомкнуть плотно смеженные веки, первое, что возникло перед его взглядом, это продолговатый тлеющий предмет, источающий смрадный дымок. До него было шага три, не больше, но мужчина не преодолел бы это расстояние даже под страхом смерти.

– Нога, – слабо сказал он.

– Подвернули? – спросила девушка, опасливо приоткрыв один глаз.

– Не моя нога, чужая. – Указав на дымящийся предмет пальцем, он уточнил: – Мужская.

Вот когда девушка испугалась по-настоящему и завизжала на всю округу. Даже последующий взрыв, от которого вздрогнула земля, не смог заглушить это пронзительное верещание. А дымящаяся нога в высоком ботинке с оторванной подошвой притягивала взгляд сильнее, чем грандиозный огненный столб, взметнувшийся в небо за лесом. Она была так близко. Рукой подать. Вокруг нее суетились возбужденные рыжие муравьи.

В следующий раз нужно держаться подальше от всяких аэродромов, подумал мужчина. Ну их к черту!

Это была его последняя связная мысль до того, как он потерял сознание и мягко обрушился на муравейник.

Глава 1 Любовь зла

Москва со всеми мириадами своих огней погружалась в ночь, как исполинский «Титаник» в готовую поглотить его темную пучину.

Мрак стремительно затоплял город со всех сторон, пожирая за один присест тысячи светящихся окон на окраинах. Но чем ближе к центру, тем больше сопротивления оказывала каждая улица, каждый дом. С горем пополам перехлестнув через Садовое кольцо, темнота натолкнулась на такой плотный заслон света, что вынуждена была здесь рассеяться, расплываясь клочьями по дворам да закоулкам. Даже небо не пожелало окраситься над центром в черное, упрямо отражая неугасимое электрическое сияние, раскинувшееся под ним. Крошечные звезды завистливо смотрели на это буйство сверкающих внизу огней, понимая, что никому из здешних обитателей не интересно их слабое мерцание. Какие, на хрен, звезды, когда начинается яркая ночная жизнь!

С высоты казалось, что ущелья центральных улиц Москвы затоплены раскаленной лавой сплошного света. Сверкали на все лады фары бесконечного множества автомобилей, переливались огнями иллюминированные здания и витрины, горели подсвеченные деревья, полыхали всеми красками вывески и рекламные щиты.

Одна лишь бледная люминесцентная луна, скромно зависшая на краю небосклона, знала истинную цену этому буйству огней и красок. В действительности ночь все равно вступила в свои права – и на самых темных окраинах, и в ярко освещенном центре города. Луна, обладавшая способностью заглядывать в человеческие души, знала это наверняка. Самый непроглядный мрак скапливался по ночам именно в них, и близок был тот день, когда солнечным лучам окажется не под силу его рассеять.

Но беспечным гостям и жителям столицы было не до всезнающей луны. Они спешили перепробовать все, что на земле считалось радостями жизни. По ночам вокруг столько развлечений и соблазнов! Просто тьма-тьмушая! Хоть глаз выколи в этом райском саду наслаждений!

Знаменитая Тверская выглядела в этот поздний час почти такой же светлой и оживленной, как главный проспект любого провинциального города в разгар дня. Еще не так давно на этой улице и в примыкающем к ней Охотном ряду, напротив здания Государственной думы, по ночам вообще происходило настоящее столпотворение, но шеренги проституток уже перекочевали на другие улицы, подальше от избранных народа.

– Даже воздух стал чище, – с удовлетворением произнес один из них, отойдя от распахнутого окна. Это был депутат Шадура, глава думского комитета по чрезвычайным ситуациям, лидер парламентской фракции «Слово и дело». – Чувствуешь, как благоухают липы, Эдичка? – Шадура прикрыл глаза и благоговейно втянул носом воздух. – Благодать-то какая!

Свет в кабинете был погашен, и его рубашка маячила в темноте белым призрачным пятном. То, что расчувствовавшийся Шадура расхаживал по своему кабинету босиком и без штанов, почти не бросалось в глаза. Как и его не слишком уверенные движения.

– Закрыв бы лучше окно, – недовольно проворчал молодой брюнет, непринужденно развалившийся в депутатском кресле. Это его звали Эдичкой, и на Шадуру он поглядывал с явным неодобрением, как на токсикомана, нюхающего какую-то гадость. – Одна бензиновая вонь снаружи, и ничего больше, – продолжал капризничать он, брезгливо шевеля ноздрями.

– Знал бы ты, мальчик мой, что творилось здесь, когда под окнами ошивались путаны и их клиенты, – воскликнул Шадура, и не подумав выполнить просьбу собеседника.

– Путаны? А тебе до них какое дело? – Эдичка неожиданно рассмеялся.

Трезвый человек сразу насторожился бы, услышав этот сухой отрывистый смех, в котором веселья было не больше, чем в натужном кашле. Но Шадура если и выглядел совершенно трезвым, то только в собственных глазах.

– Во-первых, надоели все эти грязные инсинуации в прессе, – признался он, присаживаясь голой ляжкой на край стола. – Каждый борзописец считал своим долгом намекнуть, что соседство продажных девок с депутатами не случайно. Символику в этом они какую-то усматривали, видите ли! – Шадура негодуяще покрутил головой.

– А во-вторых? – спросил Эдичка, думая о чем-то своем.

– А во-вторых, здесь было по ночам ни пройти, ни проехать. – Шадура снял через голову галстук, о котором вспомнил, когда узел слишком уж сильно врезался ему в шею. – От выхлопных газов голова просто раскалывалась. По вечерам приходилось сидеть в закупоренном кабинете. Машины подъезжают и отъезжают, подъезжают и отъезжают, – продолжал он, помогая себе размашистыми жестами. – Шум, гам. Кто-то гогочет, кто-то орет благим матом. А теперь... – Он опять с наслаждением втянул воздух, шумно выпустил его из носа и крикнул от избытка чувств: – Благодарь, истинная благодарь!

– А ты бросай все и поезжай жить в деревню, – насмешливо предложил хозяину кабинета Эдичка. – Кислорода там – хоть задним местом вдыхай! Пасеку заведешь, корову, самогонный аппарат... Здоровый цвет лица до самой смерти обеспечен... Приблизительно на шестидесятом году жизни.

Несмотря на то что ноги он водрузил на письменный стол, никакого сходства с американским шерифом у него от этого не появилось. Американские шерифы не сидят в кабинетах в чем мать родила, а на Эдичке не было ничего, кроме относительно свежих носков, православного крестика на золотой цепочке и браслета изящных часиков. Пробор разделял его черную голову на две равные половины. Словно однажды брюнета наотмашь рубанули саблей, но потом по неизвестной причине пожалели, воскресили и оставили жить дальше. Зачем? Для какой такой цели? Шут его знает. Ни сам Эдичка, ни его многочисленные знакомые никогда об этом не задумывались.

Депутат Шадура просто полюбовался его телом, слегка серебрившимся в темноте, и самодовольно пробасил:

– Мы и здесь проживем на славу! Я не Пушкин какой-нибудь, чтобы заживо хоронить себя в деревне. Главное – все время находиться на острие событий, Эдичка. Тогда бодрость духа, крепость тела и ясность ума обеспечены на долгие годы. – Хлопнув себя по ляжке так порывисто, будто там пристроился целый комариный выводок, Шадура неожиданно предложил: – Иди ко мне, мальчик мой. У меня не так много свободного времени, чтобы терять его понапрасну.

– Сначала хочу выпить, – манерно провозгласил Эдичка, убирая ноги со стола. При этом на пол полетели какие-то бумаги, которые он не потрудился поднять. Законотворческая деятельность хозяина кабинета не внушала ему ни малейшего благоговения.

– Еще фруктовой? – осведомился Шадура, прихватив со стола пустую бутылку из-под водки.

– Нет – отказался Эдичка. – Предпочитаю что-нибудь покрепче.

– Тогда коньяк? – Шадура уже спешил к бару, напоминая оживленного бутуза в длинноватой распашонке.

Эдичка поморщился и сказал:

– Ни в коем случае. Мы будем пить текилу.

– Я терпеть не могу кактусовую водку и не держу ее у себя, – признался Шадура, в нерешительности остановившись подле мини-бара со встроенным холодильником.

– Даже так? А ты когда-нибудь текилу пробовал?

Шадура покачал головой:

– Нет, и, честно говоря, не горю таким желанием. Все эти новомодные выдумки не для меня. Если ты цедишь мексиканскую сивуху и закусываешь ее лимоном, то сивуха от этого не перестает быть сивухой, а кислый лимон – кислым лимоном. – Шадура для наглядности перекошил лицо, будто стакан уксуса хватил. – Давай-ка я лучше угощу тебя великолепным мартелем двадцатилетней выдержки, а? – с надеждой предложил он. Его физиономия моментально разгладилась, залоснилась.

– Ты просто никогда не пробовал настоящую текилу, – заявил Эдичка с чувством превосходства. – Но сейчас я докажу тебе, что это бесподобный напиток. Бутылка у меня с собой. – Он наклонился к портфелю, стоящему на полу возле аккуратно сложенной одежды. – Ты только два бокала захвати, желательнее с толстым дном. Есть у тебя такие?

– Есть, как не быть, – откликнулся Шадура, нырнув с головой в бар. – У нас в Думе, как в той Греции... Тебе лед положить?

Его выпяченный зад вопросительно уставился на гостя. Если бы к этим голым ягодицам приладить глаза, получилось бы нечто, отдаленно смахивающее на щекастое лицо депутата. А в темноте определенное сходство улавливалось и без всяких дополнительных штрихов.

Усмехнувшись, Эдичка закинул ногу за ногу.

– Никакого льда, – предупредил он. – Напиток должен сохранять комнатную температуру. В этом весь кайф.

– Кайф вовсе не в этом, – игриво шепнул ему на ухо возвратившийся Шадура, выставляя на стол два бокала.

– Закрой глаза, – так же тихо предложил ему Эдичка. – И протяни руку сюда... Ниже... ниже... Теперь сожми пальцы.

Сглотнув слюну, Шадура стиснул в ладони предмет, оказавшийся значительно более тонким и твердым, чем он ожидал. Тогда он открыл глаза и с разочарованием обнаружил в своей руке узорчатую квадратную бутылку, которую держал за длинное горлышко.

– «Те-ку-и-ла кас-ка-ху-ин», – по слогам прочел он, поднеся этикетку к самому носу. Остальные буквы в темноте разобрать не удалось. – Что за каскахуина такая? – недовольно буркнул Шадура, вертя бутылку перед глазами. – Название, как у какой-нибудь подозрительной отравы.

– Это самая лучшая текила, которую можно найти у нас, – обиделся Эдичка. – Очищенная, выдержанная. Из настоящей голубой агавы.

– А что за мешочек на шнурке к горлышку присобачен? – продолжал привередничать Шадура.

– Червячная соль.

– Какая-какая соль?

– Червячная, – невозмутимо пояснил Эдичка, забирая у Шадуры бутылку и свинчивая пробку. – На агавовых плантациях живет червячок гусано, он на шелкопряда похож. Его высушивают и перетирают вместе с солью и чили. Получается порошок. Выпил – лизнул.

– Выпил – лизнул? – Шадура смешливо хрюкнул.

Эдичка покосился на него с неодобрением:

– Именно. Вообще-то мексиканцы так никогда не поступают, но в ночных клубах, где я бываю, это уже стало традицией... Сейчас дам тебе попробовать.

– И не подумаю пробовать это червячное дерьмо! – строптиво заявил Шадура. Похоже, реплика про ночные клубы, где пропадает его дружок, пришлась ему не по душе.

– Сядь, – сказал Эдичка, похлопав ладонью по крышке стола перед собой. Тон его сделался повелительным. – Пей. – Он протянул депутату наполненный до краев бокал. – А потом... – Эдичка сноровисто надорвал пакетик и высыпал половину порошка себе на

плечо, матово поблескивающее в темноте. – А потом попробуешь гусано. Тебе понравится, обещаю.

– Ну, раз обещаешь, то... ух-х!

Шадура резко выдохнул воздух и запрокинул стакан. Гульк... гульк... гульк... Некоторое время в кабинете раздавались только эти звуки, а потом словно заработал насос: это громко засопевший Шадура наклонился и потянулся губами к приманке.

– О! – изумленно воскликнул он, пробуя необычный вкус на языке.

– Ну как? – поинтересовался Эдичка с тревогой в голосе. – Понравилось?

– О, – повторил Шадура уже не так бодро, как в первый раз.

Как бы обдумывая ответ, он поднял взгляд к потолку, да так и застыл. Зрочки на его глазах отсутствовали напрочь. Два слепых бельма, которыми ни потолка толком не разглядишь, ни собутыльника.

Закончилась дегустация беспорядочным грохотом, которое устроило грузное Шадурино тело при падении с письменного стола. Сначала он ударился об пол головой, потом боком, а завершили перестук разбросанные как попало ноги. Словно барабанщик беспорядочную дробь выдал и тут же затаился в темноте, испугавшись шума, который наделал.

А сам депутат Шадура при этом даже не пикнул. Ничто его не волновало, ничто не беспокоило. В таком бесчувственном состоянии он не смог бы придумать даже самую простенькую поправку к Конституции, хотя в трезвом уме и здоровой памяти был способен выдавать их десятками, манипулируя словами и знаками препинания с бойкостью заправского борзописца.

Эдичка наступил Шадуре на обшлюнявленную щеку и подвигал обтянутой эластичным носком ногой, заставляя упавшую голову мотаться из стороны в сторону.

– Эй!.. Эй, очнись!.. Что с тобой?

Никакой реакции. Выждав еще пару минут, Эдичка брезгливо вытер подошву о подол депутатской рубахи, спрятал бутылку в портфель и принялся смахивать таинственную пыльцу на пол. Когда он перестал энергично дуть на свое голое плечо, у него потемнело в глазах и немного закружилась голова, но он не стал дожидаться, пока слабость пройдет, а деловито оделся и опять уселся в кресло. Экран включенного «Пентиума» высветил его лицо и растопыренные пальцы, выжидательно зависшие над клавиатурой. Чем-то Эдичка напоминал в этот момент вдохновенного композитора, приготовившегося взять вступительный аккорд своего нового опуса. Но тревожить клавиши не пришлось – нужный файл оказался подвешенным на «рабочем столе» компьютера. Убедившись в том, что файл содержит интересные его сведения, Эдичка скачал его на специальную дискету с расширенной памятью и занялся составлением послания для Шадуры.

Очнувшийся депутат должен будет списать свою внезапную сонливость на злоупотребление спиртным, а не на подсунутый ему порошок. Сначала он баловался водочкой без закуски, потом хватил стакан крепчайшей текилы. Вот и результат – на полу валяется. Просто бесчувственное бревно какое-то, а не лидер парламентской фракции.

Эдичка насмешливо искривил губы. «Надо меньше пить, – нацарапал он на свободном пространстве бланка депутатского запроса. Подумав, добавил для убедительности: – Пить надо меньше». Получилось суховато. Что-то вроде черновика законопроекта, который никогда не будет принят на рассмотрение в Государственной думе. Эдичка дописал еще несколько фраз, бросил взгляд на часы и поспешно встал. Действие снотворного могло закончиться с минуты на минуту, а объясняться с очухавшимся Шадурой не было ни малейшего желания.

Шагая по длинному коридору к лифту, Эдичка заблаговременно приготовил для предъявления удостоверение помощника депутата. Оно было подлинным и обошлось в тысячу долларов. Высчитать чистый доход от этого приобретения не составляло ни малейшего труда. $100\ 000 - 1000 = 99\ 000$.

Где еще, как не в политике, можно обеспечить себе прибыль в почти стократном размере?

Глава 2

Шило на мыло

Спустя час с небольшим уже заметно устаревший «Форд» Эдички притормозил на правом берегу Москвы-реки в районе Крылатского.

Здесь было темно и безлюдно. Чересчур темно и чересчур безлюдно, чтобы чувствовать себя уверенно. За оградой лодочной станции простуженно брехал невидимый пес, которому даже подгавкать желающих не находилось. Высвеченная фарами вывеска гласила, что здесь размещается водноспортивное общество «Нептун», но доверия она у Эдички не вызвала, как и пришвартованный чуть ниже по течению насквозь проржавевший буксир. Во мраке он смахивал на какого-то подводного монстра, выбравшегося на берег явно не для того, чтобы просто подышать свежим воздухом.

Эдичка пожегся. Ему показалось, что все это – дурной сон, который не очень-то хочется досматривать до конца.

Из включенного радиоприемника доносился развязный голос ведущего, который с пристрастием допрашивал писклявую девочку, сдуру дозвонившуюся ему в студию. Он желал выяснить, чем она любит заниматься в свободное время, а она использовала каждую паузу для того, чтобы передать очередной привет каким-то Толикам и Лёликам. Наконец сошлись на том, что неплохо бы послушать музыку, и в динамиках заухало, заверещало. От этого идиотского балагана у Эдички разболелась голова, однако выключить приемник он не решался, потому что слушать тишину ему хотелось еще меньше, чем скрипучий голос Бритни Спирс. Ее страстные покряхтывания у Эдички уже давно в печенках сидели, но что поделаешь – приходилось терпеть. Ожидание сродни болезни. Пока не помучаешься как следует, облегчение не наступит.

Марку машины, вырлившей на берег за две минуты до назначенного срока, определить в темноте не удалось, но она трижды мигнула фарами, как было условлено, и Эдичка с готовностью пощелкал тумблером света в ответ.

Из машины выбралась мужская фигура с плоским чемоданчиком и неспешно зашагала к «Форду». Это означало, что очень скоро удастся пощупать деньги, ради которых Эдичка затеял рискованную игру с депутатом. Он заволновался так, что успел несколько раз сменить позу, пока дожидался человека с чемоданчиком. Ему еще никогда не приходилось видеть сто тысяч долларов сразу. Вести дела в столь пустынных и зловещих местах – тоже.

Эдичка выключил зажигание «Форда» не раньше, чем окончательно признал в приближающемся человеке Артура Задова. По происхождению русский, по паспорту американец, он возникал в Москве внезапно и так же неожиданно исчезал. С этим типом Эдичку связывали далеко не столь нежные и доверительные отношения, как с большей частью знакомых ему мужчин. Секса – самая малость, на первом месте бизнес без всяких сантиментов. Мани-мани-мани.

Являясь корреспондентом газеты «Нью-Йорк Ревю», Артур изредка обращался к Эдичке за слухами и сплетнями из жизни столичной элиты, которые преподносил в газете от своего имени. Его колонка называлась «Русские горки», кажется, так. Вот почти и все, что было известно Эдичке про Артура, помимо того, что подписывался он на американский манер – «Задофф» – и платил за информацию довольно скупно. Но на сей раз причитающийся Эдичке гонорар превосходил все его самые смелые ожидания. Интересующая Артура информация хранилась у Эдички в кармане. Осталось лишь обменять ее на стопки долларов и поскорее уехать из этого мрачного места туда, где светлее, веселее и, главное, безопаснее.

Открыв пассажирскую дверцу, к которой приблизился Артур, Эдичка чуть ли не разлегся на передних сиденьях, искательно заглядывая заказчику в глаза.

– Добрый вечер, Арти, – произнес он, дивясь тому, как неестественно звучит его голос.

– Логичнее было бы пожелать доброй ночи, нет? – заметил Артур.

– Тогда уж лучше доброго утра. – Эдичка сделал вид, что чувствует себя так же непринужденно, как в ночном клубе «Мэджикал Мистери Таур», завсегдатаями которого являлись они оба.

Вместо того чтобы улыбнуться в ответ, Артур бросил взгляд на часы и нервно поинтересовался:

– Я могу сесть?

– Да, конечно, – засуетился Эдичка, освобождая пассажирское сиденье, на котором возлежал в позе охотника на привале. – Прошу.

– Благодарю, – произнес Артур, с достоинством устраиваясь в «Форде».

Чемоданчик он положил плашмя на сдвинутые колени и принялся постукивать по нему пальцами в такт мелодии, звучащей из динамиков. Они у него походили на разваренные сосиски, очень чистые, но совершенно неаппетитные. Машинально понаблюдав за ними, Эдичка выключил приемник, оборвав на полуслове хвалебную песнь голубой луне. Перепляс Артуровых пальцев моментально прекратился. Одновременно с головной болью Эдички.

– Порошок, который ты мне дал, подействовал почти мгновенно, – похвастался он, впившись взглядом в чемоданчик.

– Разумеется. – Артур кивнул и уставился с отсутствующим видом в окно перед собой. Ожидал подробного отчета?

Пришлось откашляться и продолжать:

– Шадура отключился уже через несколько секунд. Видел бы ты, какой глупый вид у него был, когда ему шибануло по мозгам. – Эдичка захихикал. – Еще хуже, чем на телеэкране в прямом эфире. Прямо «Герой дня без галстука»... И без штанов.

– Очъен смешно, – процедил Артур.

Иногда он почему-то начинал изъясняться с акцентом, и тогда походил на стопроцентного американца, озабоченного лишь тем, как бы заработать побольше денег и поскорее перечислить государству все причитающиеся налоги. Это было ложное впечатление, такое же фальшивое, как и американское произношение Задова. На самом деле ни о какой уплате налогов он и не помышлял. Как и о честных заработках. Чтобы сделать такой вывод, достаточно было хорошенько присмотреться к этому человеку.

Эдичка с ненавистью покосился на обращенный к нему профиль и сократил свой рассказ до минимума:

– Короче, Шадура отрубился, а я скачал информацию на дискету. И вот я здесь. – Заключение прозвучало весьма многозначительно.

Артур, наконец, перестал любовно оглаживать свой чемоданчик и с деловитым видом раскрыл его перед собой. Увидев, что внутри находятся не пачки долларов, а клавиатура и откидной экран портативного компьютера, Эдичка заволновался:

– А где же деньги?

– Я пока что не видел информацию, которую заказал, – сухо сказал Артур. – Сначала нужно проверить товар, который покупаешь, нет?

– А деньги? – упрямо повторил Эдичка.

– Они у меня в машине.

– Хотелось бы сначала...

– Ой, я тебя умоляю! – поморщился Артур, сделавшись похожим не на американца, а на одессита с Привоза. – Давай не будем торговаться, а займемся лучше делом. Где дискета?

Обиженно засопев, Эдичка извлек из кармана пластмассовый квадратик и сунул его в выжидательно растопыренную пятерню. Артур вставил дискету в ноутбук, пробежался пальцами по клавишам и подался вперед, уставившись на экран. Там потянулись страницы текста, фотографии, диаграммы, копии каких-то документов.

Судорожно зевнув, Эдичка скользнул взглядом по очередному длинному заголовку и спросил:

– Годится? То, что и требовалось?

– Похоже на то, – буркнул Артур.

– Тогда давай рассчитаемся и разбежимся в разные стороны, – предложил Эдичка поспешно. – С тебя сто тысяч, не забыл?

– Такие суммы не забываются, – хмыкнул Артур. – Ладно, сейчас я с тобой рассчитаюсь. Только пусть сначала уберутся подальше эти чертовы тинейджеры. – Он подался вперед, напряженно вглядываясь в темноту за лобовым стеклом. – При этой публике и мелочь не рекомендуется доставать, не то что целую кучу баксов.

– Тинейджеры? Какие тинейджеры? – заволновался Эдичка, вытирая вспотевшие ладони о штанины. Губы у него, наоборот, сделались такими сухими и шершавыми, что хоть спички о них зажигай.

– Подростки, – пояснил Артур заметно подсевшим голосом.

– Без тебя знаю, что подростки, – огрызнулся Эдичка. – Но я их не вижу. Где они?

– Прямо у нас под носом. У ворот копошатся. Видишь?

– Нет.

– Да вон же они! – Артур взялся пальцами за Эдичкин затылок и развернул его голову в нужном направлении. – Теперь видишь?

– Никого я не вижу!

Эдичка хотел сердито стряхнуть чужую руку со своей шеи, но не успел. Его голову пронзила такая ошеломляющая боль, что он перестал видеть приборную доску перед собой, не то что каких-то мифических подростков.

Упав грудью на руль, он заставил клаксон хрипло всхлипнуть, а вот сам не сумел выдать из себя ни звука. Кончился Эдичка, весь вышел. То, что от него осталось, уже абсолютно не интересовалось американскими долларами и всеми теми благами, которые можно за них приобрести.

* * *

Артур Задов пошарил рукой под водительским сиденьем, нашел там относительно чистую тряпку и принялся старательно протирать предметы, к которым он прикасался. Таких в салоне «Форда», помимо ноутбука, было ровно два. Ручка дверцы, это во-первых. А во-вторых, стальная вязальная спица, которая в настоящее время торчала из уха мертвого Эдички. С ней возни было немного – всего-то сантиметров семь и осталось на поверхности.

Чернокожий друг Генри Хорс, с которым Артур однажды два месяца парился в нью-йоркской тюрьме на острове, намытом в одном из рукавов Ист-Ривер, оказался прав: когда орудуешь спицей, снаружи не остается никаких следов крови. Парень знал, о чем говорил. Лично он таким нехитрым способом отправил на тот свет трех человек, и все они скончались от внутреннего кровоизлияния в мозг. Если, конечно, верить словам Генри Хорса. Артур теперь верил.

Стоило взглянуть на Эдичку, и все сомнения отпадали разом. Проклятый садист, обожавший с вывертом щипать за ягодицы своих партнеров, даже пикнуть не успел, как отправился к своим праотцам из Содомы и Гоморры.

По какой-то загадочной причине себя Артур к законченным содомитам не причислял. В последнее время он даже пытался наладить утерянные контакты с женским полом. С переменным успехом, но не совсем безрезультатно. Что касается Эдички, то, как говорят на Руси, горбатого могила исправит.

Артур после пережитого имел несколько бледный вид, но в целом выглядел довольным собой. Благодаря одному взмаху спицы, самая неприятная часть сделки – расплата за дискету – отпала сама собой. Неприятная манера Эдички по-бабски щипаться была здесь ни при чем. Просто у Артура никогда не было ста тысяч долларов, а информация, раздобытая с помощью Эдички, требовалась ему позарез.

Босс предупредил Артура, что оплачивает поездку в Москву в последний раз. Само существование газетной колонки Задова находилось под большим вопросом. Все смакуемые им новости, которые в России считались горячими, в Америке расценивались как чепуха на постном масле да еще с душком. «Нью-Йорк Ревю» – серьезное издание, а не какая-нибудь желтая газетенка, сказал Артуру босс на прощание. Здесь или врут убедительно, или же не врут вовсе. И отвернулся к окну, чтобы не пожимать руку сотруднику, которого мысленно вычеркнул из штатного расписания.

Как говорят в Америке, или ты *делаешь себя сам*, или трахаешь опять же сам себя. *Make yourself or fuck yourself*. И это не шутка, не каламбур. Американцы смеются не дольше, чем длятся их любимые комедийные шоу. Все остальное время они серьезны, просто непросто серьезно, убийственно. Улыбки не в счет – они включаются и выключаются автоматически. А если у тебя нет набора кредитных карточек и всего, что к ним прилагается, то и этих заученных улыбок тебе не видать. В общем, или наверху держись, или на хрен зашибись. *Make yourself or fuck yourself*. Третьего не дано.

Но теперь Артур поймал удачу за хвост и заранее предвкушал, с каким триумфом он выложит на стол редактора свою «бомбу», привезенную из России. Статья, которую он набросает уже завтра, при перелете из Москвы в Нью-Йорк, произведет во всем мире настоящий фурор, а фамилия автора сенсационного репортажа будет звучать во всех сводках новостей дня три кряду, если не неделю. Задофф тут, Задофф там... Интервью, приглашения выступить в телепередачах, признание, слава и, главное, гонорары, наконец-то настоящие гонорары, а не те крохи, которые до сих пор перепадали Артуру. Если бы для достижения этой цели потребовалось вонзить в Эдичку не одну спицу, а целую сотню, то сейчас парень походил бы на дикобраза. А так он еще легко отделался – вид вполне пристойный.

– Гол-л-лубая л-л-ун-н-на! – тихонечко, но с чувством продекламировал Артур, как вынуждены делать все люди, которые очень хотят петь, но не умеют. – Гол-л-луб-б-бая-а!

Воспользовавшись тряпкой, он открыл дверцу, выбрался наружу, захлопнул «Форд» и направился к «Фольксвагену», который ссудил на одну ночь у знакомого журналиста Димы Балаболина. Ноутбук со вставленной в него дискетой Артур сжимал в своей руке так крепко, словно в нем заключалось все его будущее.

Впрочем, так оно и было.

Глава 3

Полеты во сне и наяву

Депутата Шадуру, мужчину довольно упитанного и степенного, к тому же лидера не самой последней парламентской фракции, подхватило ветром, закружило, как былинку, и понесло по мостику через ручей, где лошадки-качалки, смеясь над ним, жевали пирожки с начинкой из лепестков мальвы. Потом, кажется, была какая-то мандариновая роща и зеленое небо, похожее на жидкий мармелад. Кто-то окликнул Шадуру, он оглянулся, споткнулся и упал. Теперь он лежал на чем-то твердом и напрягал зрение, пытаясь сообразить, что именно находится перед его глазами. Если это пол, то почему голова покоится на нем, а не на желто-зеленых цветах, которые он только что видел во сне, или же не на подушке, что было бы куда логичнее?

Застонав, Шадура приподнялся на локтях и огляделся по сторонам, узнавая и не узнавая собственный кабинет. Внутри черепной коробки мерно гудело, словно, пока Шадура спал, кто-то использовал его голову в качестве гонга. Резонанс получился знатный. Голова прямо-таки раскалывалась на части.

– Как же меня угораздило отключиться, а? – спросил Шадура у темноты.

Она презрительно промолчала: сам, мол, вспоминай, кто ты таков и почему валяешься на полу в одной рубашке. Что ж, пришлось поднапрячь мозговые извилины.

В том, что он не кто иной, как Шадура Василий Петрович, глава думского комитета по чрезвычайным ситуациям, сомнений не было никаких. Ну, почти никаких. Но почему в таком случае без штанов? И зачем в столь поздний час один в своем кабинете?

– Вот в чем вопрос, – прокряхтел Шадура, с натугой преодолевая земное притяжение.

Ага, как только ему удалось принять вертикальное положение, кое-что в его мозгу начало проясняться. Являясь членом государственной комиссии по расследованию обстоятельств крушения военно-транспортного самолета, Шадура решил задержаться сегодня после работы, чтобы ознакомиться с материалами дела и набросать текст заключения.

Частично ознакомился. Угостился водочкой. Снова ознакомился, снова угостился для поднятия жизненного тонуса. А потом позвонил Эдичка Виноградов и предложил встретиться. Славный юноша, чистый, раскованный, изобретательный. Отказать ему не повернулся язык. Так что со штанамы все стало ясно, вернее, с их отсутствием. Нужно теперь натянуть их поскорее и – домой, баиньки, решил Шадура. Материалы комиссии подождут до завтра. Изучать их лучше на свежую голову, чтобы не сморозить в заключение какую-нибудь несусветную глупость, за которую потом будет мучительно стыдно. Прецеденты уже были. Помнится, один из его перлов потом даже по телевидению дважды зачитывали с игривыми комментариями. А Шадуре вовсе не хотелось напоминать о себе общественности и Кремлю именно таким образом. Существуют другие, гораздо более приемлемые способы.

Тесноватые трусы, которые обычно натягивались на депутатские ляжки чуть ли не со скрипом, сегодня вздернулись до живота на удивление легко. Словно Шадура, всеми покинутый, провалялся на полу несколько суток, успев значительно похудеть за это время.

Взгляд на календарную дату немного его успокоил, но не до конца, потому что это не проясняло создавшуюся ситуацию.

Прежде всего, куда подевался Эдичка? – задумался Шадура, окинув мутным взглядом пустой кабинет. Почему он сам не напился пьян, как павиан, раз уж так жаждал угоститься своей паршивой кактусовой самогонкой? И как он посмел бросить старшего товарища одного, в столь беспомощном состоянии? Ответ на все эти и другие вопросы нашелся,

как только Шадура с трудом уселся в свое кресло, чтобы вызвать по телефону такси. На столе обнаружилась записка. Она была категорична по форме и язвительна по содержанию:

«Надо меньше пить. Пить надо меньше. Так, кажется, говаривал главный герой «Иронии судьбы», а он в этом деле знал толк.

Если я нужен тебе только для того, чтобы отсыпаться на моем плече, то ты ошибся адресом. Заведи себе телку с большим мягким выменем и расслабляйся с ней.

Меня больше не беспокой. Отныне я тебя знать не желаю.

Ciao».

– Сiao, значит? Ах ты, сучонок! – задохнулся Шадура от гнева. – Проходимец!

Вовсе не текст прощального письма Эдички вызвал его негодование. Читая записку, Шадура обнаружил, что лист бумаги освещает мерцающий свет компьютерного экрана, настроенного на максимальную яркость. А на экране завис совсем другой текст, посерьезнее. Вот в него-то Шадура и впился взглядом:

«...Упомянутое взрывное устройство, по мнению экспертов, находилось в цилиндрической емкости из специальной нержавеющей, кислотоупорной, жаростойкой стали с хромовым покрытием. Фрагменты емкости несут на себе остатки крепежных деталей и одножильных электротехнических проводов.

Цилиндр был оснащен завинчивающейся пробкой, а также продольными и поперечными насечками. В него через отверстие в пробке был введен электровоспламенитель, соединенный посредством четырех тумблеров с проводами, которые попарно крепились с внутренними стенками цилиндра и блоком питания, собранным из бытовых электрических батареек. Для изготовления непосредственно взрывчатого вещества был использован либо бездымный порох марки «Сокол», либо...»

– Дерьмо! – выкрикнул Шадура с отчаянием. – Вот же дерьмо какое на мою голову!

Читать дальше описание взрывного устройства ему стало неведомо. Он и без того ощущал себя сидящим на пороховой бочке. Без штанов. С фитилем в заднице.

Поспешно натянув порядком измявшиеся брюки, он забежал по темному кабинету, пытаясь сообразить, что делать дальше.

В том, что компьютер перед приходом Эдички был выключен, Шадура был убежден на все сто процентов. Точно так же он не сомневался теперь, что гость пошуровал в секретном файле, пока хозяин кабинета лежал на полу без сознания. Похихикав над Шадурой, сморренным крепкой мексиканской водкой, Эдичка вместо того, чтобы привести его в чувство, включил компьютер и сунул свой любопытный нос туда, куда ему вовсе не следовало.

Стоп! Шадура застыл посреди кабинета, будто наткнулся в темноте на невидимое препятствие. Помимо водки, Эдичка угостил его также хитрым порошком из каких-то кактусовых червячков, оказавшимся на поверку обычным дурманом. Почисте дона Хуана сработал, змееныш. И означало это только одно: Эдичка заранее приготовил снотворное зелье, чтобы без помех ознакомиться с информацией, о которой Шадура обмолвился ему во время вчерашнего свидания. То-то парнишка и зачастил в гости, хотя обычно они виделись не чаще двух раз в месяц. Вот тебе и «Tequila Cascahuin»! Такую «каскахуину» Эдичка подсунул Шадуре, что хоть волком вой!

– О-ой, – простонал он. – Что же теперь делать-то, боже мой?

Никто ему, конечно, не ответил. У народных избранников есть все, или почти все, но только не личные ангелы-хранители. Нужно было как-то выкручиваться самостоятельно.

Суетливо застегивая пуговицы рубашки, Шадура едва не стонал от расстройства чувств.

Ни в коем случае нельзя было приглашать прохожу Эдичку в рабочий кабинет, тем более когда Шадуру допустили к столь секретной информации, не раз и не два предупредив его об ответственности за разглашение. В составе комиссии он был чуть ли не единственным

штатским, да и то по причине своей принадлежности к думскому комитету по чрезвычайным ситуациям. В таких случаях всегда привлекают какого-нибудь левого «чайника», чтобы создать видимость объективного и всестороннего изучения проблемы. Вот он и удостоился чести, спасибо родному правительству.

При царе Борисе депутату Шадуре не позволили бы в материалы подобного рода и одним глазком заглянуть, а если бы он отважился сделать это по собственной инициативе, то этот самый глаз ему тут же на задницу натянули бы, образно выражаясь.

Но времена изменились. За гласностью в России присматривал уже не только Совет Европейского содружества, но и новый американский президент, многозначительно помахивающий своей «большой дубинкой», которая была извлечена на свет впервые со времен «холодной войны». Так что состав государственной комиссии соответствовал всем международным стандартам, и фамилия довольно известного парламентария в списках смотрелась убедительно. Вот только о том, что сказал особист, подписавший ему допуск, до сведения международной общественности не доводилось.

А произнесено было буквально следующее: «Если, не приведи господь, вы, Василий Петрович, сболтнете где-нибудь лишнее, то у вашей фракции появится новый лидер». – «А куда же денется прежний?» – игриво спросил Шадура, демонстрируя, что он способен понимать и ценить даже такой своеобразный юмор. Особист посмотрел на него мертвым взглядом мороженого судака и молвил без тени улыбки на лице: «От прежнего лидера даже рожек и ножек не останется. Его сначала подвешат за яйца, а потом размажут по стенке. А между этими двумя моментами будет еще много всякого разного, о чем вам, Василий Петрович, лучше не знать и даже не догадываться, чтобы сон и аппетит у вас раньше времени не портился».

И это была не шутка, не иносказание. Шадура убедился в этом, когда увидел, к какого рода информации он временно допущен через специальную электронную сеть.

Самолет потерпел крушение вскоре после того, как оторвался от взлетной полосы военного аэродрома в 25 километрах от Москвы. До этого он благополучно пересек Атлантический океан, откуда доставил 50 тонн гуманитарной помощи мирному населению Чечни. Современнейшее медицинское оборудование, баснословно дорогие медикаменты, протезы, полностью укомплектованный полевой госпиталь на колесах и многое другое. Все это добро, тянувшее на 29 миллионов долларов, прибыло из Америки, причем по инициативе самого госсекретаря США.

Дипломатические вопросы утрясались около двух недель. Чтобы соблюсти все формальности по пересечению американским самолетом воздушного пространства России и обеспечить сохранность дорогостоящего груза, было решено сначала посадить его на нашем военном аэродроме. Здесь, помимо досмотра груза, тщательной проверки всех сопроводительных документов и заправки, была произведена полная замена американского экипажа российским. Ведь в Чечне продолжались боевые действия, и пропускать туда транспортный самолет США, который мог быть напичкан неизвестно чем, никто не собирался.

До взрыва все шло по плану. А вот то, что началось после, ни в какие рамки не укладывалось. Во-первых, одно появление взрывного устройства на борту иностранного самолета с гуманитарной помощьюставляло Россию не в самом лучшем свете. Во-вторых, уже по предварительным оценкам экспертов общий вес уничтоженного груза никак не соответствовал цифрам, указанным в сопроводительных документах. От 50 тонн остался пшик. Точной суммы недостачи никто подсчитать не мог, но все равно получалось, что взрывом разметало по округе, в лучшем случае, одну двадцатую часть груза. И то обстоятельство, что военная прокуратура немедленно занялась расследованием обстоятельств хищения, не спасало положения. Факт оставался фактом. Гуманитарная помощь по назначению не дошла. А в пассажирском отсеке злополучного самолета, помимо трех российских чиновников среднего

звена из Минздрава, находились еще и иностранные специалисты по наладке оборудования, а также два видных представителя Красного Креста. Всего, включая пилотов и службу, при взрыве погибло 16 человек. Благие намерения привели их напрямик в ад. И шумиха, которая могла возникнуть по этому поводу, грозила оказаться значительно громче, чем сам взрыв.

Взвесив все «за» и «против», наверху решили пока придерживаться версии авиакатастрофы в результате технической неисправности самолета. Вот для какой цели была в спешном порядке создана комиссия, от заключения которой зависела репутация государства. Фактически таковых заключений готовилось сразу два – одно для внешнего мира, а второе для внутреннего пользования, дабы компетентные органы могли без лишней помпы найти виновников трагедии.

Шадура впервые получил столь деликатное поручение и гордился оказанным ему доверием. Но только теперь он осознал, какой скандал разразится в мире, если истинная подоплека трагедии вылезет наружу. О том, что ждет его самого в том случае, если утечка информации произойдет по его вине, не хотелось и думать. Тут особист был прав. Уже с подвешивания за яйца для Шадуры начинался такой неприятный эпизод его биографии, что остальное представлять себе было вовсе не обязательно.

Скрипнув зубами, Шадура достал из бара первую попавшуюся бутылку и хлебнул из нее, не сразу сообразив, что пьет он тот самый мартель двадцатилетней выдержки, которым хотел попотчевать коварного Эдичку. Лакать столь драгоценный напиток прямо из горлышка Шадуре еще не доводилось. Возможно, он даже был единственным человеком в мире, который смог позволить себе такую вольность, но утешения эта мысль не вызывала. Даже когда бутылка опустела наполовину.

Все свидетельствовало о том, что Эдичка сунулся в компьютер не от нечего делать, не скуки ради. Ведь змееныш заранее подготовил свое зелье и отлично знал, какой именно файл ему потребуется открыть, пока Шадура будет находиться в бессознательном состоянии. Учитывая пестрый состав публики, с которой якшался Эдичка все свободное время, додумать остальное не представляло большого труда. Журналисты составляли добрую треть той богемной тусовки, в которой любил распускать хвост Эдичка Виноградов. Значит, уже завтра утром жди в прессе сюрпризов, мрачно подумал Шадура. А потом вежливо придержат за локотки молодые люди с неброской внешностью и скучно скажут: «Пройдемте, Василий Петрович». Куда? Стоило представить себе место, где произойдет следующая встреча с мертвоглазым особистом, как Шадура чуть не поперхнулся мартелем.

Может быть, еще не все потеряно? Может, за локотки придержат все же не его, Шадуру, человека солидного и уважаемого, а повесу Эдичку Виноградова, неразборчивого в связях и способах зарабатывать деньги? Главное, упредить события, решил Шадура. Повинную голову меч не сечет.

Описав несколько концентрических кругов возле стола с тремя телефонными аппаратами, он бегло перекрестился и прижал к уху трубку одного из них. На диске его были не цифры, а герб Российской Федерации. И в трубке не протяжный гудок зуммера раздался, а бесстрастный женский голос, поинтересовавшийся, с каким номером желает связаться абонент. Шадура номер назвал без запинки. И неоднократно успел переложить скользкую трубку из руки в руку, прежде чем оттуда прозвучало:

– Вас слушает дежурный по Главному управлению ФСБ полковник... – Странное дело, фамилия была произнесена весьма отчетливо, но вместе с тем таким загадочным образом, что абсолютно не уложились в сознании Шадуры.

– Прощу прощения, – сказал он, мучаясь от собственного бляющего тона. – Не могли бы вы...

– Представьтесь! – требовательно лязгнуло в трубке.

– Э-э... Глава думского комитета по чрезвычайным ситуациям, – отрапортовал Шадура, моментально позабыв о вопросе, вертевшемся у него на языке. Когда он называл свою фамилию, голос его сбился с баритона на тенорок, а отчество и вовсе было произнесено чуть ли не дискантом.

– Говорите, – предложил собеседник без намека на любезность или доброжелательность.

Можно было подумать, что он даже хмурится, сердясь, что его оторвали от разгадывания кроссворда. Но Шадура знал, что это не так. Сотрудники *той службы безопасности*, куда он звонил, относились к своей работе слишком серьезно, чтобы бить баклуши. Тишина на другом конце провода казалась опасной, как пропасть, через которую предстояло перебраться по тонюсенькой жердочке.

– Мне нужен... э... капитан Малышев.

На другом конце провода прошелестели страницы неведомого Шадуре списка, после чего стиснутая им трубка предположила:

– Может быть, вы имеете в виду Малашевича?

– Да, конечно, – согласился Шадура. – Именно Малашевича.

– Вы знаете, который час? – поинтересовался дежурный нелюбезно. Наверное, уловил хмельные интонации в голосе собеседника.

– Дело очень срочное, – сказал Шадура, бросив взгляд на часы. – Государственной важности. Не терпящее... э... отлагательств.

– А *сюда* никто по пустякам и не звонит, Василий Петрович. – В трубке прозвучал смешок, отчетливый, как щелчок взведенного курка. – Излагайте свою проблему. Итак?

– Но подписку о неразглашении брал у меня Малашевич, – заколебался Шадура, – и я... и мне... ну, в общем...

– Говорите коротко и внятно, – прошелестело в его ухо. – Междометия приберегите на потом.

Да, тоскливо подумал Шадура. Они мне скоро очень понадобятся, междометия. Когда за меня возьмется капитан Малашевич с замороженным взглядом, одними «ой» и «ай» не отделаешься. Весь алфавит переберешь по буковке, с начала до конца. Может быть, дежурный офицер с незапоминающейся фамилией окажется более человечным?

Облизав внезапно пересохшие губы, Шадура начал сбивчиво рассказывать о неприятности, приключившейся с ним этой ночью. Не дослушав, как именно называлась текила, после дегустации которой у депутата случилось помутнение разума, загадочный полковник коротко спросил:

– Эдичка Виноградов, он ваш сожитель?

– Что вы! Мы просто встречались время от времени, – занервничал Шадура. – Понимаете, симпатичный молодой человек из приличной семьи, который...

– Не понимаю и не желаю понимать, чем могут быть симпатичны подобные личности, – отрезал собеседник. – Меня интересует, знаете ли вы, где в настоящий момент может находиться этот ваш... – последовала пауза, на протяжении которой при желании можно было презрительно сплюнуть, – этот ваш Эдичка.

– Нет. – Шадура замотал головой, словно полковник ФСБ мог видеть, как энергично и старательно он это делает. – Обычно Эдичка сам звонил мне. Но, думаю, найти его не составит большого труда. Так называемый бомонд, в котором он вращается, не так уж обширен.

– Найдем, – заверил его многообещающий голос. – Не сомневайтесь. А вы оставайтесь на месте, Василий Петрович. За вами придут. И никаких звонков. Вы меня хорошо поняли?

– Но я должен предупредить жену, – возразил Шадура. – Она, наверное, с ума сходит от беспокойства.

– Вероятно, вы хотели сказать «он»?

– Простите?

– Я спрашиваю, ваша так называемая жена, она тоже мужского пола?

– Да вы что! – заголосил Шадура, клятвенно прижимая свободную руку к груди. – Я совершенно нормальный мужик, у меня двое детей, мальчик и девочка... А Эдичка Виноградов – он всего лишь эпизод, дань любопытству. – Шадура сглотнул несуществующую слюну. – Нездоровое любопытство, согласен. Но в жизни все надо испытать, понимаете меня?

– Я же сказал: не по-ни-ма-ю! – отчеканил полковник. – Впрочем, что касается жизненного опыта, то он у вас в самом скором времени значительно обогатится. Это я вам гарантирую.

Трубка тоскливо заныла в Шадуриной руке короткими гудками, похожими на плаксивые причитания: ой... ой... ой... Швырнув ее на аппарат, он снова заметался по кабинету, не находя себе места. *За вами придут*. Никакие, даже самые страшные угрозы не смогли бы напугать Шадуру сильнее, чем это зловещее обещание.

– Пропал! – бубнил он, щелкая суставами пальцев. – Пропал к такой-то матери!

Он представил себе, как будут смотреть на него родные и близкие, когда следователи и журналисты вывалят на них всю грязь, какую сумеют раскопать в ходе дознания. Вообразил себе глумливые ухмылки окружающих, без пристального внимания которых теперь ни шагу не удастся сделать. Вспомнил все, что ему доводилось читать и слышать о судьбе подобных ему мужчин в местах не столь отдаленных. И так хреново сделалось Шадуре, что хоть волком вой. Тем более что на карьере можно было поставить большой жирный крест. В России снисходительно относятся к гомосексуалистам из артистической среды, но политиков нетрадиционной ориентации здесь не потерпят.

Выглянув в окно, он увидел, как из остановившейся внизу «Волги» выбралось двое молодых людей, одетых в схожие по покрою костюмы. Один из них, почувствовав на себе направленный на него взгляд, машинально задрал голову, и Шадура оцепенел, будто превратился в кролика, на которого смотрит удав. Происходящее напоминало тягучий кошмар, где весь мир ополчился против тебя, а ты даже пальцем пошевелить не в состоянии.

Наверное, молодой человек что-то сказал своему спутнику, потому что тот тоже остановился и с любопытством посмотрел вверх. Шадура, наконец, нашел в себе силы отпрянуть назад, а когда перегнулся через подоконник вновь, эти двое уже исчезли с тротуара.

Через две-три минуты они будут здесь, отстраненно подумал он. За локотки меня, пожалуй, брать не станут. Чего с изменником Родины церемониться? Заломят руки за спину, наденут наручники и погонят пинками мимо восхищенных вахтеров на улицу. Швырнут на заднее сиденье «Волги», обсыдут с двух сторон и, не теряя времени даром, примутся обрабатывать по дороге, перемежая зуботычины бранью и оскорблениями. А потом...

Шадура некрасиво сморщился, словно собирался чихнуть, но вместо этого заплакал, беззвучно глотая мутные пьяные слезы. Отдаленные шаги в длинном коридоре показались ему барабанным боем, под который преступников отправляют на казнь. Но не эшафот ожидал Шадуру, а бесконечные допросы, может быть, даже пытки и вереница всевозможных унижений. И это было гораздо страшнее смерти.

Он опять выглянул на улицу, расстилающуюся под окном его кабинета, увидел разом все припаркованные автомобили, редких прохожих, нетрезвую девицу, примостившуюся на корточках за микроавтобусом, чтобы справить малую нужду. Все это было той самой свободой, которую невозможно по достоинству оценить, пока тебя не упрятали за решетку.

– Ладно, посмотрим, – прошептал Шадура, проворно сев на подоконник и свесив наружу ноги. – Попробуйте меня упечь, господи чекисты. Я вам не тварь дрожащая!

В такой отчаянной позе он смахивал на бесшабашного гусара из кинофильма «Война и мир». Только бутылки у него в руке не было, а лицо безостановочно дергалось, словно

к его мышцам подвели электрический ток. В этот момент лидера парламентской фракции запросто можно было принять за пациента психиатрической лечебницы. Никогда еще он не терял контроль над собой до такой степени. Даже в памятном девяносто третьем, когда сдуру остался в Белом доме и услышал раскат первого пушечного выстрела.

Грох! Дверь за его спиной шумно распахнулась от удара ноги. Запаниковавший Шадура хотел обернуться, чтобы напоследок увидеть пришедших по его душу, и неожиданно потерял равновесие.

– Ты что? – встревоженно крикнул идущий первым. – Не дури!

Чудом не вывалившийся из окна Шадура лежал на подоконнике боком и с мольбой смотрел на замерших в нерешительности молодых людей, которые оказались вовсе не такими страшными, какими успело нарисовать их воображение. Он понял, что хочет вернуться обратно в свой кабинет, вернуться как можно скорее. Есть же на свете какие-то законы, существуют адвокаты, суды, мнение общественности!

– Я... я не хотел! – выдохнул он. – Помогите мне!

– Для того наша структура и создана, – мягко произнес один из молодых людей, приближаясь к зависшему между небом и землей депутату. – Чтобы помогать соотечественникам, попавшим в беду. – Он плавно протянул вперед руку, не забывая приговаривать при этом: – Сейчас, сейчас... Все будет хорошо, успокойтесь. Никто вам ничего плохого не желает, поверьте...

Чужая пятерня сграбастала Шадуру за воротник. Желая облегчить спасителю задачу, он подался вперед, но тут последовал неожиданный рывок, после которого Шадура ввалился в свой кабинет значительно быстрее, чем намеревался это сделать. Перевалившись через подоконник, он обрушился на пол, больно ударившись всем телом и даже головой, которую в последнее мгновение попытался вскинуть вверх.

– С возвращеньцем, Василий Петрович! – ласково сказал спаситель, сжимая в кулаке белый лоскут оторванного депутатского воротника.

Шадура поднес к глазам правую руку и с изумлением обнаружил, что после недавнего кульбита на ней стало одним ухоженным ногтем меньше, чем прежде.

– Кровь, – прошептал он. – У вас есть аптечка?

– Мы немедленно свяжемся с министром по чрезвычайным ситуациям господином Шойгу, – встревожились молодые люди, обступившие сидящего на полу. – Он лично доставит вам бинты и перекись водорода. Еще какие-нибудь пожелания?.. Просьбы?..

Слово «пожелания» сопроводилось пинком под ребра. «Просьбы» были озвучены серией хлестких оплеух, после которых депутатская голова наполнилась звенящей пустотой.

Если бы в этот момент Шадуре предложили поменяться местами хотя бы с той самой пьяненькой проституткой, которая мочилась под его окнами, он согласился бы на такое перевоплощение без колебаний. Потому что от всей его хваленой депутатской неприкосновенности и следа не осталось, когда его грубо вздернули на ноги и повлекли к выходу, продолжая награждать на ходу то «просьбами», то «пожеланиями». И собственная участь вдруг представилась несчастному Шадуре куда более незавидной, чем любая блядская доля.

* * *

– А вы счастливчик, Василий Петрович, – сказал седой мужчина в очках, с любопытством разглядывая задержанного. – Можно сказать, в рубашке родились.

– Да. – Шадура машинально поискал рукой отсутствующий воротник сорочки. – Можно так сказать.

Он сидел в ярко освещенной комнате без окон, и стул под ним был привинчен к полу. Шадура казался себе таким же – намертво привинченным. Устремленный на него взгляд кого угодно мог пригвоздить к месту.

– Представьте себе, – продолжал седой мужчина. – Вы все-таки сорвались с подоконника... Стремительно приближается мостовая... Сверху летят проклятия, снизу доносится истошный визг какой-нибудь девицы...

– Ужас! – Вспомнив, что таковая действительно торчала под окнами, Шадура передернулся. Кровь из его разбитой головы смешалась бы с лужей мочи из-под уличной девки. Нелепей смерти и врагу не пожелаешь.

– Для зрителей все закончилось бы в считанные секунды, – продолжал с мечтательным видом мужчина. – А тому, кто падает с высоты, происходящее напоминает затяжной прыжок без парашюта. Вот вы летите, Василий Петрович, руками бестолково машете, перебираете в воздухе ногами, а асфальт приближается... приближается... И длится это целую вечность... И лишь потом, когда вы уже фактически умерли от страха... БАЦ!

Ладонь рассказчика впечаталась в крышку стола, неизвестно для каких целей обтянутого жостью. Шадуру подбросило на стуле, когда он представил себе, какой силы удар о мостовую ожидал его, не подоспей эфэбэшники ему на выручку. Мужчина обозначил губами намек на улыбку и доверительно сообщил:

– Очевидцам кажется, что голова упавшего с четвертого этажа человека лопается с негромким хлопком, как арбуз. Что касается самого пострадавшего, то у него внутри черепа словно сто килограммов тротила взрывается. И это не последнее, что слышит он в этой жизни. Мозг-то еще некоторое время продолжает функционировать... Непроизвольно сокращаются мышцы, подергиваются конечности... Вам доводилось когда-нибудь наблюдать за агонией курицы с отрубленной головой, Василий Петрович?

Вопрос застал Шадуру врасплох. Он был всецело поглощен усмирением собственных поджатых ног, которые ходили ходуном, ударяясь коленями друг об друга. Им, ногам, очень уж хотелось припуститьсь вскачь. Хоть даже вместе с привинченным стулом.

Разглядывая Шадуру сквозь холодные стекляшки очков, мужчина неожиданно заключил:

– Ладно, шут с ней, с безголовой курицей. Но вы-то, Василий Петрович, вы-то!.. Как же вы такого маху дали?!

Шадура жалко улыбнулся:

– Бес попутал... И потом, я никогда и мысли не допускал, что Эдичка может...

– При чем здесь Эдичка! О вас речь идет. Надо было все же бросаться из окна, Василий Петрович. Другой такой возможности у вас не будет.

– То есть как это – бросаться? Вы же сами...

– Что я? – брови мужчины недоуменно поползли вверх, отчего седой «ежик» на его голове встопорщился.

– Вы сказали, что я счастливчик, – робко напомнил Шадура.

– А, вот вы о чем!.. Но я вас не с возвращением с того света поздравлял, отнюдь. Вам повезло лишь в том, что дежурю по Управлению сегодня я, а не кто-нибудь другой. Ваш звонок заинтриговал меня настолько, что я решил сначала побеседовать с вами лично, а уж потом...

– Что потом? – Шадура не узнал собственного голоса. Таким высоким и звенящим он был много лет назад, на перекличках в пионерском лагере.

Мужчина оставил его вопрос без внимания.

– И все равно, – скучно сказал он, – после того, как я удовлетворю свое любопытство, вас, Василий Петрович, ожидают все круги здешнего ада. Вы же отдаете себе отчет, что находитесь не на Тверской, а на Лубянке?

– Простите, – всполошился Шадура, – забыл, как вас по имени-отчеству...

– Разве я вам представлялся?

– Ну как же! По телефону вы назвались полковником... полковником...

– Фамилия из головы вылетела? Поздравляю. – Мужчина поощрительно улыбнулся. –

Иначе пришлось бы выбивать ее специально. Вот полюбуйтесь... – Он ткнул пальцем в жестяную поверхность стола.

– Краска? – предположил Шадура, до предела вытянув шею, чтобы лучше видеть.

– Откуда здесь взяться краске, помилуйте! Три дня назад на вашем месте сидел один, с позволения сказать, нефтяной магнат. – По мере того как полковничья улыбка расширялась, она делалась все более плотоядной. – Так он, представьте себе, позабыл собственную фамилию, не то что мою. Приложился несколько раз лбом вот сюда, – палец вновь указал на безобразное пятно, подернутое коричневой коростой, – и всю прежнюю биографию как корова языком слизала. Вместе с гонором.

Наступила пауза, во время которой Шадура старался сглатывать слюну как можно тише. Убедившись, что дар речи он потерял, полковник заговорил сам, и каждое произнесенное им слово клещом впивалось в растревоженное сознание Шадуры.

Идет утреннее заседание Госдумы. В зале стоит ядреный запах одеколona и пота. Перебарывая кто – похмелье, а кто – дремоту, собравшиеся внимают спикеру нижней палаты, сопровождающему свою речь нервными жестами по причине хронического несварения желудка. На повестке дня вопрос о лишении Шадуры депутатской неприкосновенности. Единогласное «за», разве что кто-нибудь из отъявленных либералов воздержался, из вредности.

А вот он сам, Василий Петрович Шадура, с драным матрасом под мышкой, бредет по тюремному коридору в сопровождении конвоира. Вот он уже в переполненной камере следственного изолятора. Через него, скорчившегося на полу возле вонючей параша, пренебрежительно переступают сокамерники. «Депутат? – гогочут они. – Готовь попу, депутат. У нас здесь свои члены, похлеще тех, которые в разных комиссиях заседают».

Шадура невольно стиснул ягодицы и застонал. Он кое-что читывал о нравах, царящих в так называемых «пресс-хатах», куда запихивают тюремщики неугодных, чтобы разом лишить их человеческого достоинства. Вокруг гнилозубые ухмылки, синюшные татуировки, паханы со своими наглыми шнырями, всякие там заточки с заморочками. Что ожидает в этом аду человека с нетрадиционной сексуальной ориентацией? Известно, что. Ему дадут какое-нибудь унижительное имя – Манька или Дунька, на выбор, и пустят по кругу. Потом запретят сидеть за общим столом, заставят бегом выполнять любую прихоть сокамерников, станут ноги об него вытирать, ежеминутно напоминая, кем он, Шадура, был и в кого превратился. И, что самое страшное, скрыть жуткую правду о себе после этого не удастся. Тот же седой полковник обещал лично позаботиться о том, чтобы вся подноготная Шадуры стала известна его жене, детям, родителям. Ну, и желтая пресса, само собой, расстарается. ГОЛУБАЯ МЕЧТА ДЕПУТАТА ШАДУРЫ... ПОВЕРНИСЬ КО МНЕ ЗАДОМ, К ГОСДУМЕ ПЕРЕДОМ... О каком добром имени можно говорить после кричащих заголовков такого рода? О каком будущем?

– Писем и передач от родных и близких можете не дожидаться, – продолжал монотонный голос полковника. – Бесплезно. Ваши сын и дочь переживут такой позор в школе, что отрекутся от отца, как в сталинские времена. Жена поспешит завести себе любовника, дабы доказать всем вокруг, что с ней-то как раз все в порядке. Будет лежать на чужой волосатой груди и, расслабленно дымя сигареткой, исповедоваться своему хахалю: «Знаешь, в последнее время я замечала за своим мужем некоторые странности». А отец... – Полковник бегло заглянул в тоненькую папку, лежавшую перед ним, – а отец ваш, скорее всего, окажется в реанимационном отделении, куда доставят его со вторым инфарктом. Уж он-то и словечка

не проронит по поводу сына. Разве что шепнет перед смертью, что видеть его больше не желает. Даже на собственной могиле.

Шадура срочно захотелось что-нибудь сказать, но в голову не пришло ничего, кроме расхожей фразы о желании искупить вину перед Родиной кровью. Такое пожелание могло быть истолковано собеседником слишком буквально. Поэтому Шадура просто беззвучно открыл и закрыл рот, сделавшись похожим на сома, вытащенного из воды.

– Что, не нравится вам такая перспектива, Василий Петрович? – насмешливо осведомился полковник.

– Нет! – Шадура замотал головой так отчаянно, что отвисшие щеки его затрепетали.

– А знаете, ведь еще не все потеряно...

– Правда?

– Станет вас офицер ФСБ обманывать! – Полковник осклабился. Стеклышки его очков лукаво засверкали.

– Я на все готов! – Шадура схватился обеими руками за грудь, сминая ткань рубахи.

– Стало быть, живет еще в наших людях дух патриотизма?

– Живет! – Подтверждением тому был энергичнейший кивок. Вложи в него Шадура чуточку больше рвения, и сидеть бы ему без головы.

– Рад, безмерно рад. – Направленные на него очки одобрительно просияли. – В таком случае ожидает вас не тюремная камера, а нечто вроде отдельного гостиничного номера. Там, Василий Петрович, имеется видеокамера, перед которой вы покаетесь во всех своих грехах, больших и малых. Последний из них – убийство двух сотрудников Управления, которых вы хладнокровно расстреляли из пистолета, прежде чем совершить побег.

– Пистолет?.. Побег?.. – Шадуре показалось, что он находится в театре абсурда. – Но я же здесь, перед вами...

– Нет вас, Василий Петрович, – убежденно возразил полковник. – Никто вас в Управление не доставлял, это я вам авторитетно заявляю. И если хотите, чтобы вместо вас на этой планете возник некто, отдаленно похожий на вас, но с документами на другое имя, то вам лучше молчать и слушать, что вам надлежит делать дальше. Я достаточно ясно выражаюсь?

– Достаточно. То есть предельно ясно.

Шадура всем своим видом изобразил живейшее внимание и желание услышать продолжение.

– Тогда пойдем дальше...

По мере того как полковник продолжал инструктаж, тон его становился все более деловитым.

И узнал трепещущий Шадура, что до поры до времени числится ему пропавшим без вести. Исчез он, испарился, а вот отыщется ли снова – это уже зависит от него самого. Не в его ли интересах доказать свою полезность ФСБ на деле? Разумеется, в его интересах, а как же иначе! Шадура прямо-таки изнемогал от нетерпения проявить себя наилучшим образом. И когда он принялся заверять полковника в своей полной лояльности, речь его превосходила по пылкости все те, которые он произносил перед избирателями накануне выборов.

А полковник и не ожидал ничего иного. Он таких шадур повидал на своем веку больше, чем использованных лично им презервативов. Куда же без тех и других! И на кой они сдались, когда надобность в них отпадает!

Глава 4

Раз, два, три, четыре, пять, мы идем искать

Разумеется, утром начался большой переполох, однако наспех раскинутый оперативный «Невод» богатого улова не принес. Какими фактами располагала ФСБ? А их почти не было, фактов, за исключением входящего звонка депутата Шадур, записанного, как и все остальные, на три автономных магнитофона. Сам депутат, поднявший тревогу, как в воду канул. Двух отправившихся на его задержание сотрудников ФСБ обнаружили в 4.35 с пулями в холодных чекистских головах. Оба погибли в служебной «Волге», даже не успев обнажить оружие. Какая нелегкая занесла их на задворки музея Маяковского? Почему они не приняли элементарных мер предосторожности? Эти и другие вопросы можно было задавать покойникам сколько угодно, но дожидаться от них ответа было делом абсолютно безнадежным. Неожиданно прыток оказался Шадур, на которого пало главное подозрение. Прыток, коварен и расчетлив. Вот тебе и парламентарий!

Его дружок Эдичка Виноградов был найден сотрудниками милиции через полчаса после объявления операции «Невод». Еще не окончательно окоченевший, но уже совершенно не способный давать показания, опознавать злоумышленников и подписывать протоколы. Как и в первом случае, свидетелей его убийства выявлено не было. Дискеты, на которую, как предполагалось, он мог переписать секретную информацию, в машине тоже не оказалось. Орудие убийства – обыкновенная вязальная спица – оставляло богатый простор для всевозможных версий и предположений. Слишком богатый, чтобы хотя бы приблизительно очертить круг подозреваемых. Милиционеры с облегчением вздохнули, когда дело перекочевало в ФСБ, а произошло это еще до того, как утро начало красить нежным цветом стены древние Кремля.

Экстренное совещание в Главном Управлении началось с того, что проводивший его директор службы безопасности помянул Эдичку емким матерным словом. Скрывшемуся в неизвестном направлении Шадуре досталось куда больше. Эпитафия в его адрес состояла из двух настолько витиеватых сложноподчиненных предложений, что повторить их не смог бы и сам генерал, произнесший их в запале.

Ведь в самолете не просто погибли иностранные граждане и ценный груз. В случае огласки взрыва мирные инициативы России в отношении республики Ичкерия стали бы выглядеть, мягко говоря, сомнительно. Стоит СМИ прозвать о воздушном теракте, и пошло-поехало. Один умник намекнет, что мину в самолет с гуманитарной помощью подложили с ведома силовых ведомств, не желающих стабилизировать обстановку в регионе. Следующий разумник подхватит эту догадку и превратит ее в злой умысел высокопоставленных персон, которые наживаются на бесконечной войне в Чечне и не желают ее окончания. Получится известная анекдотическая картинка. Запад, как всегда, во всем белом, с лавровой веточкой в руках. А Россия в дерьме с ног до головы. Начиная с последнего авиамеханика военного аэродрома и заканчивая первыми лицами государства. Короче, авиакатастрофа представлялась единственной приемлемой официальной версией. Тогда и сам вопиющий факт хищения медикаментов не отразится на престиже государства. *Биомать престиже биомать государства*, как с чувством выразился генерал, наверняка знавший, что он имеет в виду. И еще он сказал, что если истинные причины трагедии просочатся в прессу, то многим из присутствующих тоже предстоит кое-куда просочиться. В собственные унитазы их служебных кабинетов. Вместе со всем своим служебным дерьмом.

Примерно к девяти часам утра невыспавшийся и голодный офицерский состав, созданный на совещание по срочной системе оповещения, осознал свою ответственность, уяснил

свои первоочередные задачи и отправился выполнять приказы. Распустивший сотрудников генерал запил минеральной водой свою утреннюю дозу таблеток с витаминными драже вперемешку, после чего связался с подразделением экстренного реагирования.

Не далее как месяц назад эта структура отлично зарекомендовала себя в поисках афериста, ухитрившегося увести кредит МВФ из Центробанка. Его отыскал в Сочи майор Громов, проявивший завидную хватку и чутье натасканной ищейки. Казалось бы, радоваться надо такому удачному разрешению проблемы. Однако генерал испытывал двойственное чувство. К удовлетворению по поводу блестяще завершённой операции примешивалось глухое раздражение. Формально подразделение ЭР находилось в ведении генерала, хотя фактически власти он имел там не больше, чем английская королева в палате лордов. Сознание этого было как кость в горле. Никакие успехи подразделения ЭР не могли порадовать генерала по-настоящему. По его глубочайшему убеждению, тамошние сотрудники по большей части просто груши околачивали. Известно чем и известно где – в президентском саду. Гвардейцы короля, бля. Чистоплюи и белоручки, всю грязную работу за которых должны выполнять другие.

Именно из-за своего скептического отношения к подразделению ЭР генерал лично поставил его начальника в известность о случившемся и отдал распоряжение немедленно подключиться к операции. Пусть экстренно реагирует, если у него получится. Шансов перекрыть утечку информации было ничтожно мало, и в случае провала полковник Власов окажется тем самым стрелочником, с которого главный спрос. Справится – честь ему и хвала. Провалит операцию – пусть пеняет на себя.

У самого генерала при таком раскладе оставался вариант абсолютно беспроегрышный – пенять на полковника Власова.

* * *

– Что пасмурный такой?

Громов мельком взглянул на своего нового начальника и пожал плечами:

– Не выспался, товарищ полковник.

– Я, между прочим, сегодня ночью вообще глаз не сомкнул. Но для особо нежных сотрудников, – Власов ткнул большим пальцем через плечо, – у меня специально оборудована комната отдыха, майор. Напитки, свежая пресса, телевизор, уютный диванчик. Может, желаешь расслабиться? – Короткий сухой смешок, напоминающий хруст переломленной ветки. – А то морочу тебе голову всякой ерундой. Так получается, а, майор?

Громов вскинул глаза на полковника, а тот еще и откинулся на спинку своего кресла, как бы давая ему возможность разглядеть себя получше. Прическа фактурой и цветом – алюминиевый скребок, поставленный торчком. На хрящеватом носу андроповские очёчки в золотой оправе. Тонкое лицо выглядит ошпаренным – блондины с нежной кожей, однажды перебравшие южного загара, навсегда приобретают такой вид, словно постоянно ходят с ожогом первой степени. Афган? Но что там забыл человек с породистым лицом комитетчика старой закваски?

– Таджикистан, – безмятежно пояснил Власов.

– Что? – вырвалось у Громова помимо его воли. Он не привык к тому, чтобы его мысли читали по глазам, и немного растерялся, хотя постарался не показать виду.

– Таджикистан, – повторил полковник. – Командировка продлилась всего месяц, но вернулся я из нее с красной мордой и тремя звездами на погонах, а уезжал с одной, такой же, как у тебя, майор.

– Наркотики? – поинтересовался Громов, которому положение дел в восточной республике было известно не понаслышке.

– Оружие. Нынче любая военная часть приносит прибыли раз в десять больше, чем подпольный цех по переработке опиума. – Власов произнес это с таким глубокомысленным видом, словно речь шла о преимуществах одной футбольной команды над другой. – Наши дяди с золотыми погонами всех наркодельцов за пояс заткнул. Бандиты в сравнении с армейской мафией – дешевые урки из подворотни.

Власов внимательно посмотрел на собеседника, пытаясь определить его реакцию на услышанное, но таковой после случайного проблеска уже не наблюдалось – ни отрицательной, ни положительной. С таким же успехом можно было вглядываться не в зрачки Громова, а в пару кусочков льда или в надраенные до блеска серебряные монеты.

– У лампасников круговая порука, – продолжал Власов, переведя взгляд на свои переплетенные пальцы, – у них целые арсеналы оружия, армия, у них власть, о которой обычные криминальные авторитеты и мечтать не смеют. Кроме того, бандитов рано или поздно ожидает решетка...

– Или пуля. – Громов всецело сосредоточился на прикуривании сигареты, словно он лично к прозвучавшей реплике никакого отношения не имел.

Криво улыбнувшись, Власов сделал вид, что ее и не было, реплики. Все так же любуясь хитроумным переплетением своих пальцев, он продолжал рассуждать вслух:

– Военные преступники под трибунал попадают реже, чем под машины на дорогах. Гражданские законы им не писаны, а прокуратура у них своя, ее даже покупать не требуется. В общем, государство в государстве, причем не слишком дружественное. – Власов помолчал, как бы обдумывая, стоит ли распространяться на эту тему дальше, и неожиданно предложил: – Ладно, выкладывай, майор, что тебя угнетает. Не очень-то тебя вдохновляет задание искать дискету, верно?

– Ловить да искать – дело привычное, – произнес Громов. – Только существует ли она в природе, дискета эта?

– А ты не уверен?

– Не уверен. Мало ли что могло померещиться депутату с пьяных глаз? Может, ему белочка про дискету на ухо нашептала...

– А скоропостижно скончавшийся Эдичка? А трупы наших ребят? Я ведь их лично на задержание Шадурь отправил. Не дуэль же они в «Волге» затеяли?

– Но и не депутат толстозадый их ликвидировал. Его самого, скорее всего, с дыркой во лбу отыщут.

– Согласен, – кивнул Власов. – А пока наша задача заключается в поисках дискеты. Даже если ее не существует, то найти ее все же придется. – Черты его лица ужесточились. – От нас требуют результат, и результат в любом случае должен быть положительным.

– Вот-вот, – проворчал Громов. – Терпеть не могу мутки подобного рода. Какие-то гомики с депутатскими мандатами, какая-то подозрительная возня вокруг отчета правительственной комиссии... Да тут за версту большой политикой несет. Сплошная помойка. А ты из нее положительный результат вынь да положи. – Громов расплющил недокуренную сигарету в пепельнице и зло закончил: – Навозну кучу разгребая...

Власов с интересом наблюдал за своим подчиненным. Нечасто тот позволял себе импульсивные жесты. Реже, чем ухоженное оружие дает осечку.

– Закончил свой всплеск эмоций? – поинтересовался он, вытряхивая в урну остатки сигареты. Стоило ему вернуть пепельницу на место, как Громов закурил снова и, порывисто затянувшись, подтвердил:

– Так точно.

– Прекрасно, – лучезарно улыбнулся Власов. – Тогда позволь поинтересоваться, майор, с чего ты собираешься начать?

– Известно с чего. – Громов пожал плечами.

– Тебе, может, и известно, а мне невдомек. – Власов продолжал улыбаться, но выражение его глаз за отсвечивающими стеклышками очков распознать было невозможно. – Поделись с начальником. – Последнее слово было произнесено с нажимом, а очки, поймавшие луч солнца, ярко сверкнули.

Громов затянулся дымом, выпустил его тугой струей через ноздри и заявил:

– Для начала думаю хорошенько разворошить весь этот петушатник.

– Что-что? – Власову пришлось поправить на переносице дужку очков, которые перекошились от неожиданности. – Шороху в Думе собираешься навести, что ли? Остынь, майор. Это лишнее.

– Разве я Думу имел в виду? – Громов притворился удивленным. – Я намереваюсь связями Эдички Виноградова заняться. Здесь, – он ткнул пальцем в желтую целлулоидную папочку, лежащую перед ним на столе, – говорится, что молодой человек не только рядом с политиками и поп-звездами задком отирался, но и с журналистской братией.

– Думаешь, эта публика могла пойти на убийство? – быстро спросил Власов.

– Запросто. Некоторые из них законченные подонки. Я журналистов имею в виду, – уточнил Громов.

– А почему не политиков или поп-звезд?

– Всякие гнилые сенсации с душком не по их части. Эти все больше самостоятельно свой кусок урывают, каждый на свой лад. А СМИ вокруг них кормятся. – Погасив вторую сигарету, Громов проворчал: – Передача «Мир дикой природы». Там частенько подобные сценки показывают.

Власов вспомнил, как недавно смотрел с внуком документальный фильм о стервятниках, но вслух сравнение не привел. Громов мог подразумевать совсем других хищников, без перьев. Например, гиен или шакалов.

– Наши аналитики тоже отдают предпочтение этой версии, – сказал Власов. – Сейчас для тебя готовят сведения по знакомым Эдички. Все, что удастся накопать, через час будет в твоём распоряжении. Считай, тут тебе повезло.

– М-м? – Громов недоверчиво поднял брови: не ослышался ли он?

– Повезло, повезло, – подтвердил Власов. – Такая яркая личность, как Эдичка, давно у нас под колпаком, а значит, и связи его прослеживаются довольно четко. Это тебе не какой-нибудь сантехник Потапов, майор.

– Очень жаль, – вздохнул Громов. – Наверняка у любого сантехника биография чище и светлее, чем у этого танцора.

Власов промолчал, давая этим понять, что разговор закончен.

* * *

Секретарь Светлана Копейкина восседала в приемной Власова с таким видом, словно в любой момент готова была вскочить и вытянуться по стойке «смирно». Младший лейтенант до мозга костей, хотя и в юбке. Громов никогда не упускал повода бросить ей приятное словцо – уж слишком скованно держалась девушка. Гораздо приятнее было видеть ее улыбающейся, чем напряженной и немигающей, будто она каждое мгновение была готова к тому, что ее сфотографируют для служебного удостоверения.

– Как жизнь, Светик? – спросил Громов, остановившись возле ее стола.

Все на нем содержалось в идеальном порядке. Ни рассыпанных скрепок, ни чашек из-под кофе, ни посторонних безделушек, без которых трудно представить себе детей и женщин.

– Спасибо, нормально, – откликнулась Копейкина. Она отличалась от тысяч других секретарш то ли чересчур бледной помадой, то ли необычайно яркими от природы губами. Пока не поцелуешь, не разберешь.

– Ты имеешь в виду любовный фронт или невидимый?

– Невидимый? – Копейкина все же не удержалась, захлопала своими ресницами. Казалось, странички на столе перед ней сейчас зашевелиятся от легкого ветерка.

– Ты разве не знаешь, что в народе нас зовут бойцами невидимого фронта? – удивился Громов.

– Теперь знаю. – Глаза Копейкиной перестали моргать и опять сделались неподвижными, как на снимке.

Громов улыбнулся:

– Знаешь, ты очень симпатичная невидимка, Светик. Самая симпатичная из всех, кого я знаю.

– Вы шутите?

– Я абсолютно серьезен. Хотя это непросто в присутствии такой очаровательной девушки.

– Девушка как девушка. – Копейкина безуспешно попыталась нахмуриться. – Самая обыкновенная.

– Это кто же тебе такую глупость внушил, Светик? Если бы все девушки были похожи на тебя, на земле ни одного мужика не осталось бы.

– Почему?

– Перестреляли бы друг друга на дуэлях к чертовой матери! В лучшем случае вымерли бы от мук неразделенной любви.

В этот момент зазвонил телефон, избавляя Копейкину от необходимости поддерживать смущающий ее разговор. Потянувшись за трубкой, она дважды промахнулась, прежде чем ухватила ее пальчиками с коротко остриженными ногтями. Флирт в приемной начальника отдела ФСБ казался не более уместным, чем в чистилище или даже в самой преисподней. Сознание того, что она принимает шуточные заигрывания сероглазого майора прямо на своем ответственном посту, заставляло дисциплинированную секретаршу ощущать себя чуть ли не изменницей Родины. Ее изящные ушки, выглядывающие из-под волос, заалели, как маки. Сама Копейкина вроде бы была решительно настроена против всяческих вольностей в рабочее время, но эти предательски торчащие ушки выдавали ее желание выслушивать комплименты каждый день, с утра до вечера, желательно даже ночи напролет.

Громов не удержался от улыбки, но решил не усугублять и без того затруднительное положение девушки. Бросив последний взгляд на раздумывающуюся Копейкину, беседующую по телефону даже более деловитым тоном, чем обычно, Громов развернулся и вышел в коридор, который почему-то ассоциировался у него с пустой станцией метро.

Здесь всегда ощущалось какое-то давление, словно не высоко над поверхностью земли находишься, а в самых недрах. Вроде бы светло, чисто, просторно. Но все тут держится настороженно, хотя и стараются не подавать виду. Будто ждут, что вот-вот взвоят тревожная сирена. Привыкнуть к этому состоянию Громову не удалось за те несколько месяцев, что он провел на Лубянке, и он очень сомневался в том, что будет чувствовать себя здесь иначе и через многие годы. Каждая сила заключает в себе скрытую угрозу. Любая мощь заставляет относиться к себе с уважением даже тех, кто ею повелевает. Когда идешь по длинному коридору Главного Управления ФСБ, эта истина кажется тебе бесспорной.

Вместо того чтобы направиться напрямик в свой кабинет, Громов спустился в лифте на второй подвальный этаж и немного размялся в тренажерном зале, начав с пробежки по бесконечной ленте движущейся дорожки и закончив подходом к силовым аппаратам, выпитым недавно из Швеции.

Сведения по знакомым Эдички Виноградова только-только легли на стол Громова, когда он, освеженный холодным душем, уселся за стол.

В распечатке фигурировали фамилии как ничем не примечательные, так и достаточно известные, из тех, которые у всех на слуху. Скользя взглядом по списку, Громов всякий раз брезгливо кривил губы, когда перед его глазами мелькала та или иная сиятельная задница очередного замаравшего себя политика. А наткнувшись на фамилию телевизионного обозревателя, который до сих пор импонировал ему оригинальностью своих суждений, Громов только и смог, что удрученно покачать головой. На любимой передаче пришлось поставить крест. Невозможно с уважением внимать типу, который берет у мужчин не только интервью, а и все остальное, что ему предложат. И ведь немолодой уже человек, а на деле хуже ребенка, который всякую гадость в рот тащит.

– А нечистым журналистам стыд и срам, стыд и срам, – пробормотал Громов.

Вооружившись светло-зеленым маркером, он принялся отмечать в послужном списке Эдички журналистов, с которыми частенько пересекались пути-дорожки общительного молодого человека. Таковых было выявлено четверо.

Тот самый телеобозреватель, к облегчению Громова, к истории с дискетой никакого отношения не имел и иметь не мог, потому что вот уже третьи сутки обдумывал свои будущие острые репортажи в Матросской Тишине. Уклонение от налогов, получение взяток и прочая лабуда. Разоблачение работников Генпрокуратуры – дело, конечно, благородное, но очень уж неблагодарное.

Ведущего популярного ток-шоу Громов после некоторого обдумывания решительно отменил: тот в последнее время отмежевался от политических дрызг и вращался больше в шоу-бизнесе, где сплетни о кумирах котируются значительно выше, чем крушение любого самолета, даже выполнявшего рейс международного значения.

Осталось два кандидата: некто Артур Задов, русский эмигрант, пописывающий в американской газете «Нью-Йорк Ревю», и местный житель Дмитрий Москвин, оказавшийся на поверку никаким не Москвиным, а Балаболиным. Понятно, почему парень решил творить под псевдонимом. Репортажи, подписанные его настоящей фамилией, теряли бы, по крайней мере, треть своей достоверности.

Громов взялся за телефон и через некоторое время выяснил, что мистер Задов в настоящее время проживает в московской гостинице «Космос», но там его никто со вчерашнего дня не видел, хотя он вроде бы пока съезжать не собирался и оставил в номере кое-какие вещи. Сделав еще один звонок, Громов узнал, что сегодня днем Задов вылетает из Шереметьева в свой Нью-Йорк. Рейс в 14.45.

Ну, вылетит он или нет, это еще вопрос, решил Громов. Организовывать спешные поиски американца не было никакой необходимости – очень скоро тот сам предстанет у регистрационной стойки аэропорта, и тогда можно будет задать ему все интересующие вопросы. Пусть пока гуляет, свежих впечатлений набирается.

Поручив молодняку из оперативного отдела в срочном порядке разыскать Дмитрия Викторовича Балаболина, двадцати шести лет от роду, Громов предупредил, что парня следует доставить не в кабинет, а напрямик в тир, закрепленный за подразделением ЭР. Почему бы не размяться, совместив приятное с полезным? Правда, старый чекист Семеныч, заведовавший подземным стрельбищем, в невинность намерений Громова не поверил, понимающе усмехнулся:

– Опять на кого-нибудь страху нагонять собираетесь, товарищ майор?

– В современных условиях абсолютно недопустимо применять к гражданам России методы устрашения и запугивания, – привычно процитировал Громов директора ФСБ, высказавшегося таким образом на недавней пресс-конференции. У директора при этом ни

один мускул на лице не дрогнул, так почему же Громов не должен был соблюдать такую же невозмутимость?

– Тогда разрешите на стрельбах ваших поприсутствовать? – понимающе осклабился вечный прапорщик Семеныч.

– Отставить! – улыбнулся Громов в ответ. – Как-нибудь в следующий раз. А сегодня свободен. Я тебя сам найду и ключи сдам. Договорились?

– Патрончиков сколько на вас списывать, товарищ майор?

– Как всегда, пару десятков.

– Идет, – обрадовался Семеныч.

Громов никогда не палил попусту, сжигал за раз не более пяти патронов. Это означало, что остальные сможет расстрелять вечером Семеныч, который готов был скорее от традиционных двухсот пятидесяти граммов отказаться, чем от удовольствия подержать заряженное оружие в руках. Ходили слухи, что в молодости он лично расстреливал врагов народа из именного «маузера», врученного ему наркомом товарищем Ежовым. Скорее всего, слухи распускал сам Семеныч, любивший пустить пыль в глаза молодежи. Или же он взялся за «маузер» в юном пионерском возрасте, во что поверить было трудно, даже начитавшись разоблачительной литературы о кровавой сталинской эпохе. Но в том, что Семеныч дружит с оружием, а оно – с ним, сомневаться не приходилось. Это был стрелок от бога, вернее, от дьявола. В свои семьдесят лет старик дырявил мишени исключительно по центру, а ведь абсолютно трезвым его не помнили даже старожилы Лубянки!

Водка ударяла ветерана по мозгам не так сильно, как ощущение всемогущества, которое возникало у него, когда указательный палец нежно ложился на спусковой крючок. Громов его отлично понимал. Сам он научился держать стакан позже, чем рукоять боевого пистолета, и у него ни разу не находилось поводов, чтобы пожалеть об этом.

Глава 5

Двумя выстрелами – одного зайца

Тир представлял собой растянутое в длину помещение с низким потолком. Стены, окрашенные в унылый бежевый цвет, холодный цементный пол. Одна лампа дневного света барахлила, и ее беспрестанное подмигивание напоминало нервный тик.

Ни винтовок, ни пистолетов на барьере не было – они хранились в специальных стальных шкафах, сработанных задолго до того, как Громов появился на свет. Однако он предпочитал пользоваться собственным оружием, которое требует не только тщательного ухода, но и регулярного использования по назначению. Ведь редко применяемый ствол ведет себя бою так же непредсказуемо, как необстрелянный новичок, на которого нельзя положиться.

Как это случалось все чаще после перевода в Москву, сегодня в наплечной кобуре Громова покоился не табельный «ПМ», а личный «смит-вессон», и это было очень кстати. «Мистер Смит» обладал гораздо более громким голосом, чем старина «Петр Макарович», поэтому звучал он не в пример убедительнее, особенно под низкими подвальными сводами.

Американский револьвер образца 1980 года был освоен Громовым настолько досконально, что в скорострельности почти не уступал автоматическому оружию. Даже проигрывая какие-то доли секунды во времени, «Мистер Смит» наверстывал свое за счет идеальной точности боя. Правая рука Громова при стрельбе сосредоточивалась на спусковом крючке, а левая механически взводила курок, да так умело, что выпускаемые пули 11-го калибра не отклонялись в полете ни на миллиметр. Всего их в барабане помещалось девять. Маловато? Но в ближнем бою ты или укладываешь своих противников на первых же секундах, или тебя перестает заботить, сколько именно зарядов находилось в твоем оружии, пока ты был жив. Тут своя арифметика, специфическая.

В настоящий момент Громов никого и ничего, кроме времени, убивать не собирался, а потому попросту разобрал револьвер и принялся тщательно смазывать его детали, а затем – протирать их специальной бархоткой. Лучшего занятия для того, чтобы скрасить ожидание, не придумаешь. Глаза и руки заняты делом, мысли витают в облаках. Громов изредка позволял мозгу отключаться, не сосредоточиваясь на поставленной перед ним задаче. В этом случае работали подсознание и интуиция, которые иногда подсказывают решение не менее верное, чем самая безупречная логика. Главное, не заикливаться на проблеме, а подходить к ней отстраненно, будто лично тебя она не касается. Это как препятствие, которое преодолеваешь. Чрезмерная сосредоточенность как раз мешает, а не облегчает задачу.

Когда в тир сопроводили недоумевающего молодого человека с мушкетерской бородкой, в котором можно было с уверенностью признать Дмитрия Балаболина, Громов был уже во всеоружии: «смит-вессон» собран, подходы к молодому журналисту продуманы, доходчивые фразы заготовлены. Не удостоив Балаболина даже беглого взгляда, Громов пасмурно осведомился у оперативников:

– А Балабол, которого я вам заказывал, где?

Лейтенант Птицын, сдерживая ухмылку, доложил с притворной обидой:

– Так это он и есть, собственной персоной.

– М-м? – Вот тут Громов и переметнул глаза на журналиста, наградив его коротким и жестким, как тычок, взглядом. – Этот? – спросил он недоверчиво. – Такой молодой и уже такой бесшабашный?

– Вы можете объяснить мне, в чем дело? – возбужденно спросил Балаболин. Наверняка в обычных условиях он никогда не разговаривал столь звонким голосом, который подходил больше для молодежной тусовки, чем для общения в кругу взрослых мужчин.

Изобразив глазами безмерную скуку, Громов крутанул револьвер на пальце и предложил:

– Помолчи пока. Разговор у нас с тобой чуть позже состоится. Серьезный и обстоятельный.

– Вы мне, между прочим, не тыкайте! – запальчиво воскликнул Дима Балаболин. На этот раз – в такой высокой тональности, что хоть сейчас бессмертный шлягер Робертино Лоретти затягивай: «Джама-а-йка!..»

Громов поморщился, будто назойливый писк комара услышал.

– Пока свободны, ребята, – сказал он оперативникам. – Если этого... – жест в сторону Балаболина, – ...выносить придется, я дам сигнал.

– Есть, товарищ майор, – вытянулись парни, которым было не впервой подыгрывать начальству в этих маленьких домашних спектаклях.

– Дверь за собой захлопните, – распорядился Громов. – Не хватало мне тут сейчас посторонних. Заглянет ненароком Копейкина и в обморок брякнется. Кому это нужно?

– Так точно. Разрешите идти?

– Я что, неясно выразился?! – рывкнул Громов во всю глотку. – Свободны!

Поспешно выскочившие в коридор парни, наверное, за животы схватились, когда исчезли из поля зрения. Зато Балаболина было не до смеха. Он чувствовал себя в тире, как в застенках НКВД, о которых так любит писать современная журналистская братия, ничего страшнее милицейской КПЗ не нюхавшая. Судя по смертельной бледности, охватившей Балаболина, он приготовился к самому худшему. Разубеждать его Громов не собирался. Напротив, он умышленно нагнетал атмосферу. У него не было времени на вежливые обстоятельные допросы, во время которых Балаболин забрасывал бы ногу за ногу и пренебрежительно цедил бы всякие умные фразы о чекистском произволе, о правах человека и процессуальных нормах. Его требовалось разговорить как можно быстрее, без лишних протокольных церемоний.

– Подойди сюда, – бросил Громов, указав стволом револьвера место, на котором он желает видеть перед собой Балаболина.

– Вы, между прочим, опять мне тыкаете! – сварливо заметил тот. К кому он апеллировал? К голым подвальным стенам, которые здесь и не такое слышали?

– Твое счастье, что я к тебе не на «вы» обращаюсь, – успокоил его Громов и повторил, повысив голос: – Подойди... Ближе... Стань здесь и не возникай, Балалайлин.

– Я Балаболин! – строптиво возразил журналист, подчинившись тем не менее приказу.

– Какая разница? – пренебрежительно бросил Громов.

– Большая, между прочим! И почему я должен испытывать счастье от того, что вы обращаетесь со мной так, будто мы вместе свиней пасли?

– Лично я ни к какому свинству отношения не имею, – очень отчетливо произнес Громов. – А ты, Балабонов?

С различными вариациями на тему своей безалаберной фамилии журналист, похоже, смирился, но намек насчет свинства не понял. Или не пожелал понять, что сути дела не меняло.

– Я, между прочим, гражданин Российской Федерации, – заявил он подрагивающим от негодования голосом. – Обладающий всеми правами и свободами, предоставленными мне Конституцией!

Громов хмыкнул:

– Вот именно, что между прочим. *Как бы* гражданин.

– Кто же я тогда, по-вашему? – Балаболин расправил плечи, не сделавшись от этого ни внушительнее, ни грознее.

– По-моему, ты... – Громов на мгновение задумался, подбирая подходящее определение, после чего отчеканил: – Гуттаперчевый мальчик, не более того.

– Какой еще гуттаперчевый мальчик?

– Очень юркий и подвижный, – пояснил Громов невозмутимо. – Сноровисто прогибющийся перед разными дядями. Развивать эту тему дальше, или достаточно?

Балаболин pokrылся пятнами, но продолжал хорохориться:

– Моя личная жизнь, между прочим, никого не касается! Соответствующую статью Уголовного кодекса отменили, так что можете оставить при себе ваши грязные...

Гах! Револьвер во взметнувшейся руке Громова неожиданно грохнул, прервав балаболинскую тираду на полуслове. Обмерший журналист сделался очень похожим на труп, поставленный стоймя. Губы у него приняли совершенно синюшный оттенок, словно их обладателя только что извлекли из проруби.

– В морге бывать приходилось? – осведомился Громов.

– Нет, а что? – Взгляд Балаболина мышью заметался из угла в угол.

– Да так, ничего. К слову пришлось.

– Не давите мне на психику! Я прекрасно осведомлен о ваших гэбэшных приемчиках. На меня они не действуют.

– Да?

Балаболин выдерживал устремленный на него взгляд, полный холодного любопытства, секунды полторы, не больше. Потом был вынужден опустить голову. Опытный чекист – не лучший партнер для игры в гляделки. Журналист это понял.

– Принеси мишень, – велел ему Громов, вглядываясь в слабо колышущийся после попадания картонный квадрат, вывешенный метрах в двадцати от него.

Мишень, висящую на специальном тросе, можно было приблизить к себе, включив нехитрый механизм, но это было бы слишком просто.

– Я вам, между прочим, не мальчик на побегушках! – откликнулся журналист заметно севшим голосом. Ледяной тон Громова явно не пошел ему на пользу. То и дело вздрагивал парень, сипел. Какая уж после этого «Ямайка»!

– Я жду, – коротко напомнил Громов. Револьвер в его руке вскинулся и выжидательно уставился в переносицу журналиста.

– Вы... вы сумасшедший, – выдавил тот из себя, не в силах даже попятиться.

– Давай не будем выяснять, кто из нас более ненормален, Балаболкин, – предложил Громов. – Иди и делай, что тебе сказано.

Когда его большой палец взвел курок «мистера Смита», журналист приобрел прыть, которой прежде за ним не наблюдалось. Разделительный барьер был снабжен откидывающейся крышкой, но Балаболину было не до этих премудростей. Он перемахнул через препятствие в два счета и вопросительно оглянулся: доволен ли этот безумец с большим черным револьвером его расторопностью?

Громов кивнул: продолжай в том же духе, парень.

Он всегда испытывал чувство неловкости, когда мужчины в его присутствии теряли все, что делало их мужчинами. Ведь направленное в тебя оружие в большинстве случаев означает, что убивать тебя никто не собирается. Стреляют чаще всего сразу, а если нет, то из этого следует, что ты нужен противнику живым, а не мертвым. И потом, неужели можно всерьез полагать, что в подвалах Управления ФСБ расстреливают жалких гомиков, а по ночам вывозят их на какое-нибудь секретное кладбище и закапывают там, как бездомных собак?

Судя по дикому взгляду Димы Балаболина, он в этом уже не сомневался. Потерянный, безвольный, несчастный. При желании можно было даже испытать к нему жалость. Но не возникало у Громова такого желания, хоть убей. Он был убежден, что люди, избирающие сомнительный образ жизни, сами виноваты во всех бедах, которые с ними приключаются.

Любое свинство сопряжено со всякого рода неприятными сюрпризами. Вступая на скользкую дорожку, приготовься получать синяки и шишки.

– Она не снимается, – пожаловался Балаболин, беспомощно вертя черно-белую мишень с концентрическими кругами.

– Тогда просто стой там, – крикнул ему Громов, изготавливая револьвер к стрельбе.

– Прекратите! – заголосил Балаболин. – Да что же это такое, господи!? Что вы от меня хотите?

– Не того, чего обычно хочет от тебя Эдичка Виноградов, – успокоил его Громов, сделав вид, что целится журналисту в голову.

– При чем здесь Эдичка? – вскричал Балаболин, загоразивая лицо растопыренными ладонями. – Вы отдаете себе отчет в том, что имеете дело с известным репортером? Между прочим, моя газета этого так не оставит!..

– Твоя газета разве что душещипательный некролог опубликует. – Громов улыбнулся левой половиной рта. – А остальные напечатают историю твоих походов без купюр, но зато с фотографиями в стиле жесткого порно. Ты и Эдичка. Ты, Эдичка и Артурчик Задов. В общем, вся ваша веселая семейка. *Ваше кубло.*

Это был такой же блеф, как и револьвер в руке Громова, но Балаболин, похоже, уже окончательно утерял всяческую способность рассуждать здраво. Кстати, упоминание Виноградова и Задова не вызвало у него никакого удивления. Это означало, что душеспасительная беседа с ним может оказаться весьма плодотворной.

– В любом случае, – продолжал Громов, не опуская револьвер, – к лику святых от журналистики тебя никто причислять не станет. Ведь когда тебя найдут мертвым, к примеру, в твоём подъезде, при тебе не будет портфеля, набитого пачками американских долларов. Так что на всемирную славу не рассчитывай. Безнадёжное это дело.

– Вы можете объяснить человеческим языком, что от меня требуется? – крикнул Балаболин. – У вас что, есть какие-то вопросы по поводу Эдички и Артура?

– Наконец-то догадался, – одобрительно сказал Громов. – Умный парень. Инстинкт самосохранения в тебе неплохо развит.

Журналист перевел дух и опустил руки. Его бравая бородка казалась слегка перекосячившейся, точно его за нее долго тягали, прежде чем отпустить обладателя и позволить ему выпрямиться. Но спину он все еще сутулил, готовый в любое мгновение упасть ничком на пол. И взгляд у него был блуждающим, как у затравленного зверька, лихорадочно ищущего выход из западни.

– Время сталинских репрессий, между прочим, давно закончилось, – напомнил он, обнаружив, что револьвер уже не целится ему в голову.

– Ты уверен? – Громов склонил голову к плечу, показывая всем своим видом, что с нетерпением ожидает ответа, и лучше бы он был правильным, этот ответ.

Балаболин уверенности не высказал. Помялся немного и, наконец, заговорил по существу, не желая больше испытывать судьбу:

– Эдичку я знаю по клубу «Мэджикал Мистери Таур». Мы с ним часто бывали в одних и тех же компаниях, водили знакомство с одними и теми же людьми.

– Тусовались, в общем, – кивнул Громов.

– Ну, что-то вроде того.

– Самое подходящее занятие для взрослых мужчин. Хотя какие из вас, к черту, мужчины... – Недоговоренную фразу завершил пренебрежительный взмах руки.

Балаболин заволновался:

– Между прочим, среди... гм, наших встречаются очень интересные и разносторонние личности. Взять хотя бы Эдичку. Нестандартный взгляд на многие вещи, широчайший кругозор, изысканный вкус...

Громов постучал рукояткой револьвера по барьеру, требуя к себе внимания.

– Рекламу Эдичке Виноградову здесь делать не обязательно. Меня интересует, видели ли вы с ним вчера, о чем говорили, чем занимались. И главное, куда ты дел дискету, которую он тебе передал?

– Дискету? – На лице Балаболина появилось неподдельное изумление. – Ни о какой дискете у нас речь не заходила. Понятия не имею, что вы имеете в виду... Вчера мы с Эдичкой разве что парой фраз перебросились, и только. – Балаболин клятвенно прижал правую руку к груди. – Он весь вечер просидел вдвоем с Артуром, а потом сказал, что спешит по делам, попрощался со мной и исчез.

– Это все? – разочарованно спросил Громов.

– Все.

Гах! Молниеносно вскинув «смит-вессон», Громов выпалил в люминесцентную лампу прямо над головой Балаболина. Осколки и штукатурка посыпались на присевшего журналиста, напоминая ему, что правды и только правды ожидают от него не одни читатели.

– Еще он пообещал, что завтра отдаст мне долг, семь тысяч долларов! – истошно завопил Балаболин, не решаясь поднять голову, которую прикрывал обеими руками.

– Встань! – потребовал Громов. – И отвечай внятно. Где Эдичка собирался раздобыть деньги?

– Откуда же мне знать! – плаксиво воскликнул Балаболин. Из-за того, что его волосы были посыпаны белым крошевом, он казался внезапно поседевшим и каким-то потасканным. Шмыгнув носом, он заговорил опять, напрягая голосовые связки, чтобы быть услышанным и понятным: – Но Эдичка был уверен, что разбогатеет. Перед уходом он шепнул мне, что завтра прикатит в клуб на собственном «Кадиллаке»!

– М-м? – Громов был приятно удивлен сообщением.

Итак, Эдичка о чем-то договорился с репортером «Нью-Йорк Ревю», а затем направился напрямик в Госдуму, где скачал секретную информацию с компьютера покойного Шадуры. Наверняка деньги он намеревался выручить именно за эту работу. Но не получил...

– Так что на «Кадиллаке» Эдичка теперь разве что до кладбища прокатится, – заключил Громов вслух. – Если, конечно, ему пожелают устроить пышные похороны.

– Что? – тревожно спросил Балаболин, до предела вытягивая шею. – Какое кладбище? Какие похороны?

– Я твоего ненаглядного дружка имею в виду. Эдичку Виноградова.

– С ним приключилась какая-то беда?

– Какая беда может приключиться с покойником? – удивился Громов. – Разве что его из морга не удосудят забрать и отдадут студентам-медикам на растерзание. Или собакам бродячим. Их сейчас возле любой больницы тьма-тьмушая.

– Собакам? – ужаснулся Балаболин. – Эдичку?

– Сейчас речь не о нем, а о тебе, – жестко напомнил Громов. – Тебе есть, что еще сообщить мне по поводу вчерашнего вечера? Или... – Он задумчиво почесал бровь стволом револьвера.

– Артур Задов тоже подходил ко мне! – заторопился журналист. – Он одолжил у меня «Фольксваген». Сказал, что оставит автомобиль на платной стоянке возле моего дома, и обещание, между прочим, сдержал. Утром «Фольксваген» стоял на месте, как мы договаривались. Вот только...

– Что только?

– Денег за прокат Артур так и не заплатил. Пообещал, что к девяти заскочит ко мне в редакцию, а сам не появился, – закончил Балаболин упавшим голосом. Скорее всего, не коварство Артура его угнетало, а сознание того, что рассказывать ему больше нечего. Достаточно ли полезен он оказался ФСБ, чтобы его отпустили с миром?

Громов вспомнил, что до отлета Артура Задова осталось не так уж много времени, и аккуратно вложил «смит-вессон» в наплечную кобуру из мягкой желтой кожи. Американец оказался весьма прижимистым типом. Одному своему приятелю не заплатил за услугу, второму вонзил в ухо спицу, вместо того чтобы купить у него ценную информацию. В том, что убийство Эдички – дело рук Задова, сомнений не было никаких. Не случайно он не появляется в гостинице, не случайно шушукался с Эдичкой, водившим так называемую мужскую дружбу с Шадурой. В принципе, расследование можно было считать законченным.

– Подойди сюда, Балаганов, – сказал Громов. Дождавшись, когда журналист замрет за разделяющим их барьером, он поинтересовался: – Ты ведь без блокнота никуда, верно? И ручка наверняка при себе имеется?.. Молодец, – кивнул он, когда Балаболин с готовностью продемонстрировал, что не обманул ожидания Громова. – Теперь вырви листок и пиши следующее... Я, такой-сякой, как истинный патриот Родины желаю стать негласным осведомителем Федеральной Службы Безопасности, в чем собственноручно расписываюсь. Число. Дата.

– Но я не хочу! – вяло запротестовал Балаболин.

– Еще как хочешь! – заверил его Громов. – Учти, если ты заставишь меня опять доставать ствол, я...

– На чье имя писать заявление? – быстро спросил Балаболин.

– А ни на чье, – равнодушно ответил Громов. – Никто тебя осведомителем делать не собирается, не переживай.

– Тогда зачем это? – удивился журналист.

– Я же не бюрократ какой-нибудь, чтобы с тебя подписку о неразглашении нашей беседы брать, – пояснил Громов. – В том случае, если у тебя вдруг зачесется язык, ты вспомни, что копии твоего заявления могут в любой момент возникнуть там, где ты этого меньше всего ожидаешь. Догадываешься, как к тебе станут после этого относиться окружающие?

– Догадываюсь, – мрачно сказал Балаболин. Закончив писать, он отдал листок Громову и с намеком на запоздало пробудившийся гонор осведомился: – Я могу быть свободен?

– До поры до времени, – многозначительно подтвердил Громов. – Идем. Провожу тебя до ближайшего туалета. Ты ведь стремишься туда всей душой, я угадал, м-м?

Слегка оживший в коридоре Балаболин промолчал, но посетить по пути уборную все же не отказался. Громов не был к нему в претензии за это. Бывало и хуже. Далеко не каждый человек, которого берут в оборот в ФСБ, способен дотерпеть, пока его сопровождают до унитаза.

* * *

После общения с деморализованным журналистом у Громова на душе остался неприятный осадок. Не все методы развязывания языков ему нравились, но что тут попишешь? Люди, с которыми порой приходилось сталкиваться Громову по долгу службы, нравились ему еще меньше.

Светлана Копейкина не заставила его ждать в приемной, тут же связалась с начальником и официально кивнула:

– Проходите, пожалуйста.

Ушки у нее уже не полыхали маковым цветом. И на Громова она старалась не смотреть, отводила взгляд, давая понять, что больше не желает выслушивать всякие глупости.

– Спасибо тебе, Светик, – сказал он с чувством, прежде чем исчезнуть в кабинете Владова.

– За что? – вырвалось у нее невольно.

– За то, что никогда не улыбаешься, – ответил Громов с серьезным видом. – Если улыбки красивых девушек кому-то и продлевают жизнь, то только самим этим девушкам. Окружающих мужчин, – Громов ткнул себя пальцем в грудь, – они сражают наповал.

– Борис Юрьевич вас ждет! – напомнила Копейкина страдальческим голоском. Одна из светлых прядей волос почему-то выбилась у нее из-за уха и свесилась чуть ли не до страницы журнала регистрации посетителей, в который она уткнулась.

Громов напоследок полюбовался по-кошачьи аккуратной головкой девушки и распахнул дверь.

Для того чтобы приблизиться к столу Власова, было достаточно сделать десять широких шагов, но, по традиции, сначала следовало дожидаться приглашения войти и присесть. Обычно Власов оставлял подчиненным на раздумье секунд пять, давая им возможность в последний раз взвесить, что и как им докладывать, а о чем лучше не заикаться. Громова он продержал у порога раза в два дольше.

За это время можно было успеть полюбоваться большим поясным фотопортретом президента и отметить про себя, что тот смотрится в кабинете полковника ФСБ еще более впечатляюще, чем Железный Феликс в былые времена. Держинский, тот по непонятной причине всегда изображался вполоборота, глядящим неизвестно куда. Немигающий взор президента был обращен прямо на зрителя, а потому обладал той же магической притягательностью, что и знаменитый плакат «Ты записался добровольцем?». При этом в глазах президента читалось невысказанное продолжение. Мол, если не записался – я не виноват.

– Кто не с нами, тот против нас, – неожиданно прокомментировал Власов. – Проходи, майор, устраивайся. Удалось что-нибудь раскопать?

Громова, как это уже случалось не раз, неприятно задело, что полковнику удается читать его мысли с такой легкостью, словно они высвечивались у него на лбу в виде бегущей строки. В принципе, не такой уж хитрый трюк, которому обучали в свое время и самого Громова. Ты, якобы в задумчивости, произносишь фразу, которая, по твоему мнению, отвечает настроению собеседника. В случае промашки он пропустит реплику мимо ушей – мало ли кто что бормочет про себя. Зато если ты угадал – собеседник сражен наповал. Элементарно, Ватсон, как говаривал мистер Холмс. Но Власов еще ни разу не ошибся, демонстрируя Громову свою проницательность, вот что настораживало. Можно было заподозрить, что он действительно обладает даром телепатии. Поэтому каждая беседа с ним превращалась в своего рода состязание: кто кого? Возможно, Власову это доставляло удовольствие. Что касается Громова, то ходить в Ватсонах ему было не по душе.

Он сделал вид, что услышал лишь предложение присесть напротив полковника и доложить о результатах короткого расследования. Поэтому, устроившись за столом для посетителей, сразу перешел к делу:

– Наибольший интерес среди журналистов, которые входили в круг знакомых покойного Эдички Виноградова, представляют Дмитрий Балаболин и некто Артур Задов. С первым из них...

– Послушай, майор, – перебил Громова полковник. – Почему Эдичка? Насколько я понимаю, звали его Эдуардом, да и отчество у него наверняка имелось.

– Эдуардами таких никогда не зовут, – возразил Громов. – Что касается отчества, то на нем можно язык сломать. Мирзарахманович.

– Н-да, – крикнул Власов. – Это кто же у него отец был? Татарин?

– Наполовину узбек. В восьмидесятых работал вторым секретарем Ташкентского обкома партии. Лет пять назад перебрался в Москву, пытался наладить здесь торговлю наркотиками. Ну, его свои же соплеменники на плов и пустили. – Громов усмехнулся. – Рецепт предельно прост. Один грамм свинца на каждый килограмм мяса.

– Напрасно ты по этому поводу зубоскалишь, – строго сказал Власов. – Узбекский плов, чтобы ты знал, – это настоящее гастрономическое чудо. – Он пошевелил губами, как бы пробуя на вкус произнесенное, и, одобрительно причмокнув, предложил: – Ладно, кулинарию и родословную Эдички оставим в покое. Давай про этих двух журналистов, майор. Думаю, ты уже успел с ними пообщаться?

– Только с одним, – сказал Громов. – Дмитрий Викторович Балаболин. Двадцать шесть лет, но все у него как бы между прочим...

– Это как?

– Присказка у него такая. Что ни предложение, то и между прочим. С творчеством его я не знаком, но, надо полагать, там все тоже на между прочим построено.

– Балаболин, – задумчиво произнес полковник. – Нет, не читал.

– Вот, можете ознакомиться с его последним опусом. – Громов достал из кармана заявление журналиста и предъявил начальнику в развернутом виде.

– Угу. – Власов одобрительно наклонил голову. – И что, этот Балаболин действительно представляет для нас интерес?

– Косвенный.

Громов коротко обрисовал ситуацию. Когда он дошел до персоны Артура Задова, полковник уже кивал головой, как заведенный.

– Значит, американец вылетает из Шереметьева сегодня в 14.45? – спросил он в конце доклада.

– Надеется вылететь, – уточнил Громов. – Дискета с материалами расследования обстоятельств крушения транспортного самолета, если таковая существует, наверняка находится у него.

– Посулил Эдичке золотые горы, сам его уколошил и теперь спешит домой, чтобы подготовить сенсационный репортаж, так? – Очки Власова, уставившиеся на собеседника, торжественно сверкнули.

– Так, – подтвердил Громов. – Задержание мне поручите, товарищ полковник?

Власов огладил ладонью свой седой «ежик» и возразил:

– Не царское это дело. Задова и без нас возьмут, майор. Мы свою задачу выполнили, так что можешь быть свободен... Кстати, – рука Власова, потянувшаяся к телефонной трубке, замерла в воздухе, – ты ведь у меня отгулы просил, верно? Вот и ступай. Сегодня ты мне уже не понадобишься.

Громов демонстративно взглянул на часы и приподнял брови так, чтобы это не укрылось от взгляда начальника. Тот только засмеялся:

– Мало? Остальное в выходные доберешь. Завтра у нас, если не ошибаюсь, суббота.

Можно было что-нибудь съязвить по этому поводу, но требовать в стенах ФСБ соблюдения норм трудового законодательства – все равно что ратовать в церкви за сокращение великого поста. Тут все твои самые разумные доводы оборачиваются против тебя же. Плевать против ветра никому не запрещено, да только вот желающих нет.

– Разрешите идти? – спросил Громов, вставая.

– Угу. – Власов положил руку на телефонную трубку. Ему явно не терпелось доложить начальству о результатах успешного расследования. Вот только не бросят ли ему сверху снисходительное: «Мы уже тут и без вас во всем разобрались, полковник», не отравят ли ощущение торжества?

– И хрен с ними, – пробормотал Громов, приготовившись удалиться из кабинета.

– Что ты имеешь в виду, майор? – Власов подпрыгнул на своем месте. Игра в угадывание мыслей нравилась ему только в тех случаях, когда проницательность демонстрировал он сам.

– Да отгулы свои, что же еще? – Громов пожал плечами. – Новые заработаю.

Шагая к двери, он чувствовал спиной, как Власов пытается просверлить в ней взглядом дыру. Дразнить гусей и начальство – занятие неблагодарное, это любой знает. Но всегда ли можно отказать себе в маленьком удовольствии?

Глава 6

Гуд бай, май лав, гуд бай!

Из Машиной квартиры на Тверской можно было полюбоваться памятником Юрию Долгорукому, но Маша никогда этого не делала. Она, честно говоря, понятия не имела, что за мужик торчит у нее под окнами на своем бронзовом мерине с прозеленью. Скульптурные формы ее абсолютно не волновали, ни гранитные ни бронзовые. Когда в столице поднялся большой шум из-за возведения памятника Петру Первому, Машу однажды остановил на улице телерепортер и попросил ее высказать свое мнение о Церетели.

– Терпеть не могу грузинские вина, – ответила она с достоинством. И, поразмыслив еще немного, добавила: – Хотя, чтобы вы знали, живу в двух шагах от ресторана «Арагви».

Репортер остался стоять на месте с разинутым ртом, дурак-дураком, а Маша отправилась на своих длинных ногах дальше. Лицо ее сохраняло полнейшую невозмутимость.

На гладком лобике этой славной девушки никогда не собиралось более двух морщин сразу, да и то это случалось исключительно по ночам, когда Маша испытывала оргазм или видела плохой сон. Последнее, к ее сожалению, случалось значительно чаще, чем первое. Тот маг и волшебник, который мог изменить ситуацию к лучшему, Маше на жизненном пути пока что не повстречался.

Довольно равнодушно относясь и к сексу, и к легким столовым винам, и даже к произведениям скульпторов-монументалистов, она считала себя ценительницей всего прекрасного, в частности, настоящей французской парфюмерии, и очень гордилась своей коллекцией всевозможных пузырьков, не подозревая, что наполнены они кипрскими босяками, не нюхавшими Парижа.

Верно говорили древние, что неведение – благо. Кому приятно сознавать, что душистая сигарета «Мальборо», которую ты посасываешь поутру, попала к тебе не из солнечной Виргинии, а из какого-нибудь молдавского села Пуштяны под Кишиневом? Легче кому-нибудь станет от такой осведомленности? Нет. Вот Маша и наслаждалась ароматом своих духов, не забывая себе голову их истинным происхождением.

Всезнающий журнал «Космополитен» научил ее, как правильно подобрать *свой* аромат, который заставит мужчин увиваться вокруг тебя. Все просто. Вооружившись калькулятором, Маша просуммировала цифры, составляющие день, месяц и год ее рождения, получив тройку. Это означало, что ей предпочтителен тонкий аромат приключений (духи «Джуп!»), многообещающий намек на безумные ночные фантазии (конечно же, «Опиум») плюс запах тысячи приключений, охапок роз, шампанского и беззаботного смеха (тут не обойтись без «Этернити» от Кальвина Клейна, куда же без него в наше время?).

Нельзя сказать, что у благоухающей Маши имелся целый рой поклонников, помогающих от нее не только регулярной взаимности, но и руки с сердцем в придачу. И все же кое-какой выбор у нее имелся. Этим летом он был остановлен на Артуре Задове, с которым Машу познакомили в ночном клубе «Мэджикал Мистери Таур».

Для Маши, мечтавшей вырваться из убогой совковой действительности на просторы великой американской мечты, Артур был настоящей находкой. Он оказался преуспевающим нью-йоркским репортером, время от времени навещающим родину в поисках материала для собственной еженедельной газетной колонки. Не иностранный миллионер, но и не отечественный повеса, который сегодня всю сорит баксами, а завтра прячется от кредиторов в какой-нибудь халупе и давится сайками с дешевым паштетом, мечтая сорвать главный куш в «Русском лото», чтобы срочно поправить свои дела.

Две Машины подруги, выскочившие замуж за таких вот «новорусских» бизнесменов, уже стали вдовами, но, помимо наследства, они получили от покойных супругов умопомрачительные долги с постоянной головной болью в нагрузку. Одна, смирившись со своей судьбой, отписала всю перешедшую к ней собственность донимавшим ее бандитам и теперь торговала по выходным на Горбушке, злая, остервенелая, но зато целая и невредимая. Вторая пока что хорохорилась, утверждая, что жена за мужа не отвечает. Но по ее бледному виду было совершенно очевидно, что упрямица либо сама вот-вот скопытится от невыносимого нервного напряжения, либо ей помогут в этом бывшие деловые партнеры супруга. Нет, не о такой судьбе мечтала Маша. И с появлением Артура она разом оборвала все свои прежние связи – как случайные, так и достаточно постоянные. Новый бурный роман начался с того, что Артур напросился к Маше в гости, да так и застрял в ее квартире, перебравшись сюда из гостиницы «Космос». Пожитков у него было немного, но ведь не мистер Твистер почтил своим присутствием Машину квартиру, а журналист, который нынче тут, завтра там. Достаточно, что он обзавелся в Москве своим главным и лучшим приобретением – Машей. Так он говорил. Стоило ли разубеждать его в этом?

В ночном клубе, где состоялось Машино знакомство с Артуром, она источала будоражающий воображение аромат духов «Этернити» (ну, тех самых, которые должны ассоциироваться с приключениями, розами и брызгами шампанского). Понимая, что одной этой уловки может оказаться для искушенного американца маловато, Маша также сходила в туалет и спешно привела себя там в полную боевую готовность.

Она ведь была девушкой смышленной и энергичной, без всякого Дейла Карнеги знающей, как приобретать друзей и завоевывать расположение людей. Машин рецепт был предельно прост. Оставь на виду у объекта своего внимания как бы невзначай открытую сумочку, а поверх всякого барахла пусть в ней лежат небрежно скомканные трусики. Все. Если при этом вы прелестница лет этак двадцати пяти, которая знает толк в белье и стиральных порошках, то успех вам гарантирован.

Любая привлекательная девушка, умеющая правильно себя преподнести, непременно добьется взаимности, Маша всегда была убеждена в этом и не прогадала. Напросившийся на чашечку кофе Артур оказался столь нетерпелив, что от его синтетических носков, которые он порывисто снимал в темноте, во все стороны летели трескучие голубоватые искры.

Потом была бурная прелюдия в стиле «Девяти с половиной недель», в ходе которой Маша стесала кожу на позвоночнике, припечатанном Артуром к холодильнику, и больно ударилась коленкой об угол стола. Что касается самого акта, то его как бы и не было вовсе. Не очень ладилось это дело у Артура, надо признать. Но Маша не стала привередничать. То, что недодает тебе мужчина в постели, всегда можно дополучить в магазине. Немножко романтично и очень, очень практично.

До появления Артура никто из Машиных приятелей, обладавших нормальной потенцией, не обещал ей свадебное путешествие на Антильские острова и уютное семейное гнездышко на 48-й улице Нью-Йорка. Никто прежде не говорил ей строго: «На первых порах ты должна быть предельно экономной, дарлинг. Пока что мы не можем позволить себе тратить больше 8 тысяч в неделю. Ведь квартира обходится мне недешево, а тут я еще присмотрел себе «Порше» последней модели. Тебе же, Машенька, придется удовольствоваться «Мустангом» 97-го года. Не пугает тебя такая перспектива? Скажи откровенно».

Не-а, Маша была девушкой не робкого десятка. Нисколечко не пугала ее перспектива существования на восемь тысяч долларов в неделю и езда не на самом современном автомобиле. Ведь сказано же: *на первых порах*. Любящая женщина должна мириться с временными трудностями...

Тихонько войдя в спальню, Маша полюбовалась спящим Артуром. Он возвратился под утро, усталый, но чрезвычайно довольный собой. Мимходом прижал заспанную Машу к

себе и что-то пробормотал успокаивающим тоном. Слов она не разобрала – это почти невозможно, когда говорящий одновременно целует тебя в макушку. «Что ты сказал, бэби?» – переспросила Маша, обратившись к Артуру всем своим встревоженным лицом. «Дело сделано, дарлинг, – пояснил он с мягкой улыбкой. – Завтра мы улетаем в Нью-Йорк. Ты оформила визу?»

Услышав утвердительный ответ, он повалился на кровать и тут же уснул, как всегда лицом вниз, обнимая подушку. Точно опасался, что во сне ему вспорют живот или таракан заползет в ноздрю.

За минувшие несколько часов поза Артура ничуть не изменилась. Сраженного наповал бойца, не успевшего пересечь по-пластунски вражескую территорию, вот кого он напоминал.

Полюбовавшись спящим, Маша тихонечко приблизилась к стулу, на котором валялись как попало разбросанные вещи жениха. Привычку тайно инспектировать мужские карманы она приобрела у матери, которая, прежде чем укатить с очередным отчимом на Украину, постаралась передать дочери весь свой богатейший опыт троекратно замужней женщины, причем сексопатолога по профессии и по призванию.

«Ты, Машуня, должна четко понимать, что представляет собой каждый твой кавалер, – говаривала Евдокия Кузьминична. – Никогда не знаешь, чего ждать от этих мужчин. По моему глубочайшему убеждению, все они, кого ни тронь, с психическими отклонениями. Смотрят на тебя влюбленными глазами, слова ласковые на ушко нашептывают, а сами при этом мечтают запихнуть в тебя батон вареной колбасы или какие-то другие мерзопакостные фантазии вынашивают. Но если, Машуня, выяснить, что собой представляет твой избранник, то из жертвы ты сразу превращаешься в хозяйку положения».

Во время предыдущих обысков Маша не обнаружила в карманах Артура ничего настоящего. Колбасный батон, во всяком случае, он с собой не таскал. Бумажник с минимумом наличности Машу не смущал – тут все ясно, американцы вечно носятся со своими кредитными карточками, а свои же доллары за деньги не считают. Зато она не нашла среди вещей Артура ни одной сентиментальной фотографии, ни женской, ни детской, что подтверждало его холостой статус. Только снимки его многочисленных приятелей, некоторых из них Маша знала по «Мэджикал Мистери Таур». В общем, все было в норме. Правда, вчера вечером, пока Артур перед уходом принимал душ, Маша с некоторым недоумением нашла во внутреннем кармане его летнего пиджака вязальную спицу, явно похищенную из бабушкиного комода. Зачем ему спица? – недоумевала Маша. Что за блажь? Если бы Артур и вязал тайно теплые носки или шарфы, то разве управился бы он с помощью одной-единственной спицы?

Терзаемая любопытством, Маша так и не решилась поинтересоваться у жениха, для чего он шарил в бабушкином комоде. Встречный вопрос – «А за каким чертом, дарлинг, ты роешься в моих вещах?» – запросто мог бы разрушить все Машины завоевания. Второй раз мужчину снятыми трусиками не заинтригуешь, как ни изощрайся. И что тогда? Молодость ведь дается только один раз. И сколько той молодости? Если допустить, что она продлится еще...

Стоп! Тут Машины размышления разом оборвались, словно кто-то щелкнул в ее голове невидимым переключателем. Испытывая непреодолимое желание подержать в руках билеты, один из которых должен был перенести Машу туда, где сбываются все лучшие мечты, она открыла бумажник жениха, развернула его и, покопавшись в кармашках, сделала очень неприятное для себя открытие. Там хранился только один авиабилет, выписанный на Артура Задова. Время вылета (уголки Машиных губ поползли вниз) – 14.45. То есть (ее зеленые глаза потемнели от гнева) Артур обманул ее дважды. Во-первых, заявив, что они полетят вечерним рейсом. Во-вторых, пообещав, что они отправятся в путешествие вдвоем.

Окончательно добила Машу визитная карточка Артура, выуженная из другого отделения бумажника. Он как-то показал ей одну такую, не выпуская из собственных пальцев, и на ней значилось, что Arthur Zadoff действительно значится репортером газеты «New York Review», причем не простым, а «supernumerary», как гордо заметил он, щелкнув ногтем по этому загадочному словечку. Тогда Маша ограничилась тем, что с уважительным видом кивнула: как же, как же – «супер»! А теперь не поленилась заглянуть в англо-русский словарь и выяснила, что в данном случае речь идет лишь о «сверхштатном» и даже просто лишнем корреспонденте, который если и тратил 8000 долларов, то, скорее всего, в год, а не в неделю.

Вот так новости!

Маша простила бы Артура, если бы по прибытии в аэропорт имени Кеннеди он честно признался ей в том, что приукрасил действительность. Очутившись в Нью-Йорке, она смирилась бы с коварством своего жениха. Но все дело в том, что никакой Нью-Йорк ей не светил! Артур, этот наглый проходимец, бесплатно попользовался Машей и ее жилплощадью, а теперь намеревался улизнуть, не попрощавшись! Как в той песне: «Ты бросил меня, ты бросил меня». Нет, даже не *бросил*, а *кинул*.

Если бы Артур в этот момент открыл глаза и увидел выражение Машиного лица, он решил бы, что за время его безмятежного сна девушку подменили, или, по крайней мере, лет на пять состарили. Но он продолжал безмятежно дрыхнуть, не подозревая о том, что над его головой сгущаются грозовые тучи.

– Сюпер... ньюмер... эри, значит, – процедила Маша с ненавистью. – Вот какую ты мне бяку приготовил, Артурчик. Форти эйт стрит с Мэдисон-авеню в придачу... Ладно. За мной не заржавеет!

Взглянув на часы, показывавшие начало девятого, Маша бесшумно уничтожила следы обыска и покинула спальню. Прихватив телефонную трубку в ванную, она по памяти набрала телефонный номер, которым не пользовалась вот уже несколько лет. Номер принадлежал Гарику. Маше так не терпелось дозвониться ему немедленно, что пластмассовый корпус трубки потрескивал под нажимом стиснувших ее пальцев.

Задолго до того, как Маша превратилась в местную достопримечательность ночного клуба «Мэджикал Мистери Таур», она работала на трассе из Шереметьева в Москву. Этот 38-километровый отрезок дороги был облюбован несколькими бригадами картежников, обрабатывавших доверчивых лохов прямо в такси. Маша входила в маленький дружный коллектив Гарика. В его ударной бригаде она изображала молоденькую дочь, отговаривающую азартного отца не играть на деньги с первыми встречными. Разумеется, ее доверчивый «папуля» являлся не жертвой, а искуснейшим шулером, бесподобным каталой, который в конечном итоге облегчал карманы лохов на всю сумму имевшейся там наличности. Сам Гарик в этих постановках участия не принимал. Он обеспечивал жуликам прикрытие, отстегивал причитающееся в бандитский общак и решал все возникающие по ходу пьесы проблемы.

Маша ни за что не стала бы напоминать о своем существовании этому опасному типу, если бы не обстоятельства. Не могла же она позволить Артуру улизнуть из Москвы, не отомстив ему напоследок! Просто расцарапать ему лживую физиономию? Нет, слишком мало было этого, чтобы почувствовать себя отомщенной. В голове Маши созрел куда более коварный план.

– Слушаю? – не слишком благозвучный голос Гарика заставил ее радостно встрепенуться.

– Гарик?

– Ну?

– Гарик! – повторила Маша чуть ли не с восторгом. – Это ты!..

– Слышь, коза! Чего тебе надо? Ты кто вообще?

– Я Маша... Ну, Машутка-Шутка, помнишь?

– А... – В голосе Гарика прозвучало облегчение и разочарование. – Говори. Только учти, пассажиров теперь другие катают. Не при делах я... Вернее, при других делах, – поправился Гарик.

– Тут клиент нарисовался, – торопливо выпалила Маша. – Эмерикэн-бой.

– Какой еще пеликан, к хренам собачьим?

– Американец.

– Чего-чего?

– А-ме-ри-ка-нец!

Она говорила вполголоса да еще воду в ванну пустила тугой струей, заглушая беседу на тот случай, если Артур проснется. Неудивительно, что Гарик опять ее не расслышал.

– Громче! – потребовал он. – Что ты там бормочешь? Ни хрена не просекаю.

– Я не могу громче. – Маша прикрыла ладошкой губы, чтобы ее голос не растекался по сторонам, а попадал прямо в микрофон. – Говорю, клиент выгодный есть. Штатовец.

Гарик рассердился:

– У тебя что, перемкнуло там? Я уже никого не катаю. Забудь об этом.

– Он баксами набит под завязку, – соврала Маша по инерции. Голос у нее стал совершенно убитым.

– Баксами? – внезапно оживился Гарик.

– Ну да. Американец ведь.

– Ладно, допустим, что ты меня заинтересовала. И что? Предлагаешь его потрусить? Где? Когда?

Бросив взгляд на свое отражение в зеркале, Маша подумала, что сейчас самое время остановиться, пока не поздно, и сказала:

– Клиента Артуром зовут. Сегодня днем он собирается ехать в Шереметьево-два. Один.

– На тачке? – спросил Гарик.

– Нет. Он по Москве на такси передвигается.

– И в одиночку. Я правильно тебя понял?

– Правильно, – решительно подтвердила Маша.

Ей невольно вспомнилось, как она, идиотка, составляла список вещей, которые намеревалась взять в дорогу, как освежала в памяти английский язык, не расставаясь в последние дни с разговорником, как хвасталась подругам выпавшей ей удачей. Но Артур попросту вытер об нее ноги. Да, он улетал в свой Нью-Йорк один. Разве не будет справедливо, если ему придется пожалеть об этом, когда избитый и ограбленный окажется он на обочине шоссе, которое сегодня его никуда не приведет?

– Откуда он будет ехать? – продолжал допытываться Гарик. – Во сколько?

– От меня, – ответила Маша. – Точное время сейчас назвать не могу.

– Тогда перезвонишь. – Гарик перешел на командирский тон. – Дома меня не будет. Диктую тебе номер своего мобильного, записывай...

– Я запомню.

– Попробуй только забыть! – Гарик трижды повторил набор цифр, после чего распорядился: – Перезвонишь мне, когда твой Арнольд...

– Артур, – робко поправила собеседника Маша, но он пропустил ее реплику мимо ушей.

– ...когда твой Арнольд вызовет такси. Я его рядышком с твоим домом дожидаться буду. А теперь опиши его.

– Ну... – Маша задумалась. – Очень симпатичным его не назовешь, хотя...

– Конкретней! – рявкнул Гарик. – Мне по барабану, симпатичный он или нет. Я его с ходу узнать должен, просекаешь? Приметы? Во что одет?

– Полноватый брюнет. Всегда в костюме светлом ходит, даже в жару. При нем чемодан будет черный и портфель с портативным компьютером.

– Заметано! – Гарик удовлетворенно хохотнул. – Что лично ты со своего брюнета поиметь хочешь, Машутка? Учти, я за наводку больше пяти процентов не даю.

Маша вспомнила, что наличности у Артура – кот заплакал, и сказала, наслаждаясь собственным благородством:

– Мне ничего не надо.

– Не надо, так не надо, – легко согласился Гарик. – На принцип пошла, что ли? Достал тебя твой полноватый брюнет, да?

– Достал, – подтвердила Маша и раздраженно выключила телефон, едва не сломав фиолетовый ноготь о кнопку.

Если у нее не будет Антильских островов, то и Артуру тамошнее солнышко не светит! Придумывать, как объясняться с Гариком, когда он обнаружит, что его улов не так уж богат, Маша не собиралась. Она ведь не в долю напросилась, а просто сделала доброе дело. Как говорится, чем богаты, тем и рады. А дареному коню в зубы не смотрят.

– Ну, держись, Артурчик, держись, конь с яйцами, – процедила Маша, щуря свои изумрудные глаза. – Посмотрим, как ты теперь ржать станешь!

Интересно, кто у кого перенимает повадки – красивые женщины у пантер, или наоборот?

* * *

– У-ау! – басовито затянул Артур. После чего завершил зевок уже тоненько: – А-ха-ха...

– Выспался? – ласково осведомилась Маша. Она только что слопала два куса миндального торта, и это помогло ей обрести спокойствие духа.

– В самолете наверстаю упущенное. – Артур покосился на Машу и поспешно добавил: – На твоём очаровательном плечике, бэби.

– Во сколько вылетаем? – Она стояла над распростертым на кровати Артуром, поглядывая то на него, то на кривоватые пальцы своих ног, униженные серебряными колечками.

– Ещё точно не знаю. – Он изобразил озабоченность. – Билеты подвезут часиков в пять, так что времени предостаточно. Сейчас ведь только половина двенадцатого? О, then we have all the time in the world!

– Как это переводится? – спросила Маша с таким видом, словно это её все ещё интересовало.

– Если дословно, то чушь получается, – признался Артур. – Мол, мы имеем все время на свете. Коряво как-то звучит, нет?

– Нормально звучит, – успокоила его Маша.

– Вещи собрала? – Артур притворился ещё более озабоченным, чем минуту назад.

При этом он старался смотреть прямо на подружку, но взгляд его постоянно рыскал из стороны в сторону, и поэтому ему приходилось тереть глаза, как бы спросонья. В принципе, он был доволен, что отсиделся у Маши. Бесплатно и, главное, безопасно. Вот только её манера шляться по дому полуголой раздражала Артура с каждым днём всё сильнее. Бисексуал из него неважный получался. Не удавалось Артуру как следует полюбить женский пол, хоть тресни. Однако приходилось поступаться принципами.

– Иди ко мне, бэби, – предложил он, ставя ноги на пол и растягивая губы в сладкой улыбке. – Close your eyes, and I...ll kiss you...

Что означало: «Закрой глаза, и я тебя поцелую». Артур любил эту старую песенку и часто мурлыкал её в минуты хорошего расположения духа. Но сегодня она звучала особенно

актуально, поскольку дальше в тексте речь шла о скорой разлуке. Оборвав строку на середине, Артур возбужденно засмеялся и обхватил рукой Машину талию, привлекая ее к себе. Вторая рука приспустила с нее трусики. Ему не очень нравилось, что девушка возвышается над ним, но вставать с кровати было лень. После бессонной ночи всегда чувствуешь себя таким разбитым...

– Бесстыжий!

Шутливо шлепнув Артура по проказливой руке, Маша кокетливо попыталась вернуть трусики на бедра, а он, посмеиваясь, удерживал их одним согнутым указательным пальцем. «Не забыть оставить дискету в щели приемника, – подумал он, разглядывая то, что открылось его взору крупным планом. – Мало ли как могут подействовать на нее лучи металлоискателя при прохождении досмотра в аэропорту. А в компьютере дискета сохранится наверняка. Всегда нужно заботиться о безопасности, будь то бизнес или секс».

– Ты купила презервативы, бэби? – осведомился Артур, задрав голову.

– Нет, – ответила Маша, не прекращая борьбу за деталь своего туалета.

– Как же так? – Растерявшись, он ослабил хватку, и Машины трусики с легким хлопком вернулись в исходное положение.

– Зачем? – спросила Маша, улыбаясь. Впервые в жизни она пожалела о том, что у нее нет хотя бы триппера. Было бы неплохо наградить им Артурчика на прощание. Ну, ничего, скоро ему и без триппера будет о чем вспомнить. – Мы ведь с тобой близкие люди, – продолжала она, ласково потрепав Артура за ухо. – Без пяти минут муж и жена.

– Ах да, конечно! – Улыбка Артура была еще более лучезарной, чем Машина. Он опять протянул руки вперед и получил по ним новый шлепок, уже почти раздраженный. – В чем дело, бэби?

– Разве у вас в Америке не принято по утрам чистить зубы и принимать душ? – невинно удивилась Маша.

– О, йес! – Артур вскочил с кровати и, подтянув трусы, бодро посеменил в ванную.

Маша хотела было набросить на себя просторную желтую футболку, но передумала и развалилась на кровати с самым непринужденным видом, на какой была способна. Не следовало настораживать Артура внезапной холодностью. А небольшой утренний моцион если и не слишком приятен, то хотя бы полезен. Не гимнастикой же заниматься после калорийного торта.

Артур вернулся в спальню свежий, гладко выбритый, тщательно причесанный. Когда он втягивал живот, то смотрелся не тем полным дерьмом, каким, как выяснилось, являлся на самом деле. Но трусы он снял рановато. То, что предстало Машиному взору, было вялым и сморщенным, словно Артур неожиданно отважился принять холодный душ. К тому, что он считал своим достоинством, напрашивалось только одно подходящее название: пипетка. Самое то для скульптурных херувимчиков. Но не лучшее украшение для стопроцентного американца.

Как только он приналег на Машу и попытался что-то сюсюкать про медовый месяц, она заткнула ему рот своим твердым соском и с ненавистью уставилась на обращенную к ней макушку. Плешь у Артура пока что только намечалась, но сквозь бороздки, оставленные в волосах расческой, просвечивало слишком много белой кожи. Руки у него тоже были белые, ассоциировались с сырым тестом. Маша закрыла глаза, отстраненно прислушиваясь к тому, как Артур сопит на ней и устраивается поудобнее. Это означало, что через пару минут он с усталым стоном отвалится на бок и пропыхтит что-нибудь благодарное.

На этот раз Артуру хватило секунд сорок.

– Уф! – сказал он, скатившись с Маши. – Ты бесподобна, бэби.

– Ты тоже.

Проведя ладонью по внутренней стороне бедер, Маша обнаружила, что она осталась абсолютно сухой. К чему был весь этот цирк? Зачем изображать из себя дикого жеребца, если у тебя силенок и курицу потоптать не хватит?

– До вечера тебе придется поскучать в одиночестве, – сказал Артур, принимая вертикальное положение. Про добрую традицию выпячивать грудь за счет втянутого живота он совсем забыл, а потому выглядел особенно неприятно. И еще эта дурацкая пипетка, которую он лучше бы оторвал к чертовой матери и бросил кошке на съедение, чтобы самому не мучиться и других не беспокоить понапрасну!

– Ты меня покидаешь? – Маша притворилась разочарованной. – Опять дела?

– Последний день – он трудный самый, – засмеялся Артур. – А ты не теряй времени даром, собирай вещички. Лишнего не бери, – этот возглас прозвучал уже из коридора. – Я куплю все, что необходимо, такой прекрасной девушке, как ты!

На мгновение Маше показалось, что она напрасно дала волю мрачным подозрениям. А вдруг Артур решил свой билет сдать, а купить новый, на другой рейс? Не только себе, но и Маше? И тогда получается, что она повела себя, как последняя идиотка.

– Можно я воспользуюсь твоим чемоданом? – спросила она, прошлепав босиком к двери ванной. – У тебя там полно свободного места.

– Чемодан мне придется забрать с собой, – деловито откликнулся Артур через дверь.

– Зачем? – Маша прислонилась голой спиной к стене и скрестила руки на груди.

– Ну...

Артур сделал вид, что отфыркивается от воды, попавшей в рот, и успел придумать за этот короткий срок целую легенду:

– Мы ведь вылетим вместе с моим коллегой, мистером Левицки из «Геральд трибьюн». Он чуть ли не всех путинских матрешек на Арбате скупил и теперь боится, что они не поместятся в его сумках. Попросил меня завезти чемодан в гостиницу. Старый скряга! – Артур жизнерадостно загоготал, продолжая шумно отплеиваться и плескаться. – На лишнюю сумку не желает раскошелиться, а в Нью-Йорке сдаст сувениры в ближайшую антикварную лавку и поимеет на них не меньше штуки баксов. И это при годовом доходе в сто восемьдесят тысяч! Представляешь себе, бэби?

– Нет, – пробормотала Маша, – не представляю.

– А? Что ты сказала?

– Я сказала, что ты можешь дать своему мистеру Левицки бесплатный совет.

– Какой?

– Пусть запихнет свои цапки в одно вонючее, но очень укромное местечко!

– У-ху-ху!

– А в придачу я могу подарить ему на память бронзовый бюстик Ленина, помнишь? Тот, который на письменном столе стоит.

– О-хо-хо!

– Щекочи, щекочи свою пипеточку, бастард, – процедила Маша с ненавистью. – Больше она у тебя ни на что не годится!

– Не слышу! – встревожился Артур, резко оборвав очередной взрыв хохота. – Ты что-то сказала, нет?

– Я спрашиваю, вызвать тебе такси, дарлинг? – Маша ослепительно улыбнулась.

– Если тебя не затруднит, бэби.

– Не затруднит! – весело сказала она, направившись к телефону. Номер Гарика с готовностью высветился перед ее мысленным взором.

Артур тем временем растирался махровым полотенцем и любовался своим туманным отражением в запотевшем зеркале, похожем на иллюминатор. Скольких олухов он обвел вокруг пальца, не сосчитать! Люди глупы, они млеют, когда их кормят баснями. И доверчи-

вая Маша, наверное, уже видит себя шляющейся по Пятой авеню и заглядывающейся на тамошние шикарные витрины. Эх, темнота дремучая, простота лапотная! Прости-прощай!

– Гуд бай, май лав, гуд ба-а-ай! – с чувством заголосил Артур. Давно уже собственный голос не казался ему таким чистым и благозвучным.

Глава 7

Хищный вид на жительство

После Машиного звонка Гарик пожалел, что поспешил продать золотой нательный крест знакомому барыге с площади трех вокзалов. Есть все-таки бог на свете! И, по всей вероятности, он, наконец, решил пригреть заблудшего Гарика у себя за пазухой.

– Да славится имя твое и все такое прочее, – прошептал Гарик, осторожно положив трубку на рычаги древнего эбонитового аппарата. – Спасибо, господи, что как бы не оставил в беде.

– Кто ж так молится? – с укором проскрипела бабка, расположившаяся аккуратно под выцветшей фотоиконой, повешенной в крошечной кухоньке над холодильником. С наслаждением отхлебнув чай из кружки, она запихнула в рот бублик и продолжила наставлять непутевого внука: – К господу – хрум-хрум – уважительный подход требуется. Поклонился бы, а то – хрум-хрум – и на колени бы встал. Тогда и воздастся по вере.

– Заткнитесь, бабушка, ладно? – попросил Гарик. – Некогда мне тут кланяться. Тороплюсь я.

– Вечно он торопится, – доложила старуха иконе, развернувшись к ней всем корпусом. – Суета сует и вечная суета. Ох, грехи наши тяжкия-а...

Гарик ее бубнеж не дослушал. Мечась по захлавленной коморке, которую называть комнатой язык не поворачивался, он спешно собирался на дело. В задний карман джинсов втиснулась заветная расческа с толстой широкой рукоятью. При нажатии на нее наружу с щелчком выдвигался плоский, как лист, клинок из вольфрама. Довольно длинный – без малого двенадцать сантиметров, – искусной двухсторонней заточки. Клинком можно было запросто бриться, хотя Гарик не пробовал. Оружие он держал при себе для совсем иных целей.

Еще вчера вечером в голове у него проплывали пьяные мысли перерезать себе клинком вены на руках и помереть в ванне, наполненной горячей водой и кровью. Теперь ему вновь захотелось жить. Гарика переполняли надежда, азарт, желание действовать. Муторное похмелье сменилось таким мощным зарядом энергии, что он не мог усидеть на месте.

– Бабушка! – крикнул он, не заглядывая в кухню, чтобы не нюхать лишний раз запах отвратительного варева, которое именовалось в этом доме овощным рагу. – Я пошел. Если к ночи не вернусь, то не ждите, спать ложитесь.

– Это куда ж ты намылился? – забеспокоилась бабка. Скрипнул проворно отодвинутый ею стул, зашаркали по полу войлочные тапки. – А как опять дружки твои с уголовными рожками заявятся? Чегой-то им говорить?

– Ничего! – отрезал Гарик. – Сказано вам: спать ложитесь. Чем раньше, тем лучше.

Он захлопнул за собой дверь на мгновение раньше, чем в прихожую вползла всполошившаяся бабкина тень. И припустил вниз по лестнице, едва касаясь подошвами кроссовок истертых ступеней. Впереди него неслась вспугнутая кошка с задранной хвостом. Если бы не необходимость притормаживать на поворотах, Гарик обязательно догнал бы четвероногую тварь и пнул ее в зад так, чтобы она кубарем летела по лестнице впереди своего гнусавого завывания.

Он ненавидел этот вонючий подъезд, ненавидел прожорливую бабку, ненавидел ее пронафталиненную квартиру с голыми лампочками, обсиженными мухами. Но его собственная жилплощадь вот уже неделю принадлежала другим людям. Как и новехонькая корейская тачка, которую, ввиду спешки, тоже пришлось продать за полцены.

Не то чтобы сумма, которую задолжал Гарик, была такой уж серьезной, однако волосатый азер Рауф по кличке Аладдин, которому он позорно продулся в химкинском «катране», оказался не тем человеком, чтобы с ним шутки шутить. Неделю назад Гарик вернул половину долга, а на сегодняшний день опять «торчал» азербайджанцу все те же семьдесят пять тысяч баксов, как и в начале эпопеи. Включенный на всю катушку счетчик тикал, тикал, тикал. С ума можно было сойти от этого непрерывного тиканья. Как только пришла беда, все прежние кореша вмиг отпочковались от Гарика – кто с поносом слег, кто с запором. Никого не дозовешься, ни к кому не достучишься, хоть лоб об глухие стены расшиби к едрене фене. И вдруг Машутка-Шутка с готовым решением проблемы нарисовалась.

Америкэн-бой, под завязку затаренный баксами, это ли не везуха? Вот так счастье подвалило, вот так пруха неожиданная-негаданная! Сто свечек готов был поставить Гарик в церкви, если дело выгорит. Двести! Лишь бы погасить проклятый долг поскорее, потому как уже сегодня вечером срок, отпущенный Аладдином, истекал. И тогда никакими деньгами не выкупить свою жизнь обратно. Карточный долг тем и отличается от всех остальных, что любые отмазки с расписками тут не канают. Проиграл? Расплачивайся. Хоть деньгами, хоть головой своей азартной. Это тот самый долг и есть, о котором говорят, что он платежом красен. Еще как красен – цветом своим кровавым!

Добираясь на метро к Машинному дому, Гарик ощущал себя в переполненном вагоне рыбешкой, заживо закатанной в консервную банку среди спрессованной массы себе подобных. Лихорадочное желание поскорее встретиться с американским фраером заставляло его существовать совсем не в том временном измерении, в котором катила по своим делам остальная публика. Люди читали, переговаривались вполголоса, изучали рекламные наклепки, пялились в темные окна на свои отражения, а Гарик поминутно поглядывал на часы и думал, что если бы остаток жизни ему довелось провести в таком же замедленном темпе, то умер бы он не от болезней и старости, а от невыносимой тоски. И выражением глаз он был схож с волком, угодившим в клетку.

– Станция «Пушкинская»! – торжественно провозгласили динамики. – Переход на станцию «Тверская». Просим граждан пассажиров не оставлять в вагонах...

Не дослушав потусторонний голос, Гарик просочился с толпой в подземный вестибюль, облицованный светлым мрамором, и двинулся вдоль двойного ряда колонн в центр зала. Его кроссовки нетерпеливо отталкивались от серого гранита, стремясь обогнать каждого, кто преграждал путь вперед, но в суতোлке это было непростой задачей. Очень скоро Гарику захотелось сорвать со стены один из декоративных подсвечников и подогнать медлительный человеческий поток, вынуждающий его сдерживать шаг. Живые люди казались ему не многим более расторопными, чем пушкинские персонажи, застывшие на латунных чеканках. В принципе, пока Машутка не сообщила точное время отъезда своего американца, можно было особо не спешить, но разве способен сдерживать себя человек, увидевший проблеск света в темном туннеле? А Гарик, уже похоронивший всякую надежду и вновь обретший ее, чувствовал себя именно так.

Под ногами уже тянулся красный гранит, и это означало, что выход близко. Задев плечами людей, Гарик с облегчением вырвался в гулкий вестибюль здания «Известий», а через минуту уже вдыхал разогретые бензиновые пары московской улицы.

Высокий, жилистый, весь напружинившийся и целеустремленный, он некоторое время шагал по тротуару, а потом остановился у бордюра и принялся высматривать свободное такси. Обычная машина Гарика не устраивала. Кто знает, как поведет себя американец, если не увидит на крыше автомобиля оранжевого гребешка с черными шашечками? Тут нужно было действовать наверняка.

Лишь седьмое по счету такси оказалось свободным, и Гарик счел это добрым знаком. Счастливым шансом, счастливым числом. Фортуна не просто повернулась к Гарику лицом, она

улеглась под него, предлагая пользоваться собою на всю катушку. Бери, пока дают. Когда не дают, брать гораздо труднее.

Днище притормозившей «Волги» оцетинилось сосульками застарелой грязи, будто водитель уже давно не считал нужным мыть свою развалюху. Лобовое стекло с вмятиной, заднее колесо просело почти до самого диска. Гарик невольно поморщился, как сделал бы это при вынужденном общении с чумазой вокзальной шлюхой в сползших чулках. Но выглянувший в боковое окошко таксист, к его изумлению, оказался ладным молодым пареньком с модной прической. Трудно было понять, что загнало его в эту колымагу.

– Алло, гараж! – поприветствовал его Гарик в той развязной манере, какая была свойственна ему чуть ли не с младенчества. – Задняя дверца у тебя приварена, что ли?

– Вперед садись, – предложил парень.

– Вперед я тестя своего пузатого посажу, – возразил Гарик с широкой ухмылкой, – а рядышком с собой пристрою тещу ненаглядную. Подберем их – и в Кунцевский роддом мотанем. Короче, а зохн вэй, и танки наши быстры! Наследник у меня родился! Сын!

Водитель уже отыскал в салоне плоскогубцы и с помощью их открыл капризную заднюю дверцу.

– Сын, – проговорил он уважительно, когда Гарик разместился у него за спиной. – Как назовете?

– А вот тебя как величать?

– Колей. Николаем.

– Вот пусть и будет Колей, – возбужденно засмеялся Гарик. – Николай-Нидворай! Прикольное имечко!

Парень хотел было обидеться, но не сумел, улыбнулся в ответ:

– Куда едем?

– Сначала прямо, а потом дворами, я покажу, – туманно пояснил Гарик.

– Как я понимаю, мальчонку забирать едете? – спросил парень, трогая «Волгу» с места. Стук ее клапанов с переменным успехом перекрывал надсадный скрежет двигателя.

– Какого мальчонку?

– Так сына же!

– А! – сообразил Гарик. – Разве ж он мальчонка? Пузырь с соской. Агу-агу. Сегодня под утро вылупился. Я его еще в глаза не видел.

– Сколько весит? – деловито поинтересовался парень.

– Тут налево, – скомандовал Гарик, пытаясь прикинуть, сколько может весить новорожденный. – Впереди арка, видишь? В нее сворачивай.

«Волга», распугивая голубей, малышей и старушек, запетляла между домов. В хвосте у нее пристроилась пронзительно тьявкаящая собачонка и, выворачивая кривые лапы, мчалась следом, пока не посчитала, что прогнала железную уродину с территории своих владений.

– Мальчики обычно тяжелее девочек, – продолжал разглагольствовать водитель, являвшийся, надо полагать, молодым папой.

– Ясный перец, – согласился Гарик. – Пацаны ведь с мозгами рождаются, а девки, известное дело, каким местом думают.

– Каким это еще местом?

– У тебя, Колян, его нет, – успокоил водителя Гарик. – Природой не предусмотрено.

– Между прочим, – тут Николай учащенно засопел, – у меня две дочурки, близняшки.

– Тогда извиняй, братишка. Не со зла я. Сам не свой от радости, понимаешь?

– Понимаю. – Это прозвучало после минутного молчания, когда обиженное сопение прекратилось. – Я тоже, когда в роддом ехал, плохо соображал. И всю дорогу лыбился, как последний дурак. Уже думал, что скулы у меня перекалило.

Слушая эту белиберду краем уха, Гарик высмотрел впереди вереницу «ракушек» и тронул словоохотливого парня за плечо:

– Сразу за гаражами повернешь направо.

– Так там тупик, похоже, – удивился водитель.

– Там не тупик, а начало большого светлого пути, – усмехнулся Гарик.

– Сомневаюсь я.

– А ты не сомневайся. Ты делай.

«Волга» притормозила на маленьком пятачке асфальта, окруженном кустами и мусорными контейнерами. Ее радиатор уперся в обшарпанную лавку, на которой не хватало примерно половины поперечных перекладин. Все пространство вокруг было усеяно бутылочными пробками, окурками и шелухой подсолнечника.

– Теперь убедился? – спросил Гарик, положив обе руки на спинку водительского сиденья. – Это и есть начало светлого пути.

Парень обернулся и уставился на него так пристально, словно хотел найти в озадачившем его типе дюжину отличий от того веселого балагура, который еще недавно заливал ему про тестя с тещей и новорожденного.

– Что за?..

Гарик молча подцепил Николая-Нидворая всеми десятью пальцами за нижнюю челюсть и рванул повернутую к нему голову на себя. Вместо аккуратно подбритого затылка перед его глазами возник подбородок с ямочкой.

– Га! – попытался крикнуть парень.

– Тих-тих-тих, – зашептал Гарик.

Парень всхлипнул и замолчал. Только сиденье все еще отчаянно скрипело под его дергающимся телом, но и эти звуки прекратились, как только в салоне раздался негромкий шелчок: крак! Когда Гарик оттолкнул обмякшего парня, его голова безвольно упала на плечо.

– Приехали, – зачем-то произнес Гарик. Перед кем он отчитался? А черт его знает.

Несколько секунд, а может быть, минут он неподвижно сидел на месте, тупо разглядывая свои руки, охваченные мелкой дрожью. Из этого транса его вывел мобильный телефон. Когда из нагрудного кармана рубашки раздалось призывное верещание, Гарик подпрыгнул так, что коснулся макушкой потолка «Волги».

– Алле-у... Алле-у... Гарик? – Машин шепот влился в подставленную ушную раковину.

– Да! – Он прокашлялся, отчего голос его сделался гораздо более отчетливым. – Слушаю.

– Через десять минут Артур выходит. Ты успеешь его встретить?

Гарик прикинул, что на погрузку мертвого тела в багажник уйдет минуты три, а езды отсюда до Машиного подъезда метров двести-триста.

– Запросто, – сказал он убежденно. – Мне сегодня еще много чего успеть нужно...

В трубке испуганно заныли гудки отбоя. И вовсе не Артур спугнул Машу, как предположил Гарик, взявшийся выволакивать труп из машины. Просто хриплый хохот, которым он сопроводил последнюю фразу, ни один здравомыслящий человек не захотел бы дослушивать до конца.

А небо над Москвой было чистым-чистым, синим-синим и таким безоблачным, как будто иных поводов омрачаться, помимо надвигающейся осени, не существовало на этом свете.

* * *

«Великая Америка спасает не только своих рядовых Райнов. Она готова прийти на помощь каждому, кто нуждается в ее поддержке. Но доверчиво протянутая рука должна быть сильной, поскольку всегда находятся желающие вцепиться в нее зубами.

После трагедии, о которой я собираюсь рассказать вам в этих строках, трудно рассчитывать на потепление отношений между США и той империей, которая не приобрела добрый нрав от того, что сменила одну аббревиатуру на другую. Русский медведь опять встает на дыбы. Возврат к прошлому? Возможно. Но как долго война может оставаться «холодной»? И знаете ли вы, какая температура достигается при взрыве мощностью...»

Начало статьи неплохое, однако насчет мощности и температуры придется навести справки, решил Артур Задов, спускаясь по лестнице. Это можно будет сделать в пути, покопавшись в Интернете. И дискету, вставленную в ноутбук, нужно изучить досконально. Как любит говорить редактор, настоящий репортер должен знать тему, о которой пишет, хотя бы чуточку лучше своих читателей. Или, по крайней мере, создавать такое впечатление.

Дверь машины захлопнулась за спиной рассеянного Артура подозрительно быстро, но он не придал этому значения. Он жил уже завтрашним днем, по нью-йоркскому времени. Московское, как всегда, безнадежно отставало. Ничего, скоро и в этом застойном пруду забušуют страсти! Дайте только Артуру добраться до своего места в самолете! Пока что не бизнес-класс, но это дело поправимое. Как говорят на исторической родине: скоро сказка сказывается, да не скоро business делается!

Артур ничуть не огорчился, обнаружив, что поданное к подъезду такси выглядит немногим лучше древней колесницы, которую не сочли нужным хотя бы малость отреставрировать, после того как извлекли ее из-под обломков Колизея. Прокатиться напоследок по Москве в такой развалюхе – тоже своеобразная экзотика. Будет что вспомнить. Тем более, если написать не только громкую статью о русском терроризме, но и по-быстрому состряпать книженцию на эту актуальную тему. Артур даже название на ходу заготовил. «В медвежьем берлоге». Подбирая английский эквивалент по пути к ожидающей «Волге», он задумчиво хмурился. Вроде бы броское название, а что-то в нем было не так.

– В аэропорт?

– А? – Артур с недоумением уставился на таксиста, высунувшегося из окошка «Волги». Немного лба, чуть больше носа, а все остальное – подбородок, перечеркнутый линией рта. Очень глубоко и прямо перечеркнутый.

– В аэропорт едем? – повторил вопрос таксист, приоткрыв щель своего рта до размеров почтового ящика.

– Да, – кивнул Артур, безуспешно дергая ручку задней дверцы. – Откройте, пожалуйста.

– Замок сломался. Садитесь вперед.

– И с другой стороны сломался? – желчно осведомился Артур, который, как и все американцы, считал ниже своего достоинства сидеть в кэбе рядом с водителем.

– Нет, – засмеялся таксист. – Та дверца сломаться не могла, потому что вообще никогда не открывалась.

– Средневековье какое-то, – буркнул Артур. – Заповедник дикости. Может быть, багажник тоже не открывается?

– Угадали. – Смех таксиста стал похожим на металлический скрежет неисправного двигателя. – Да вы давайте свой чемодан сюда, я его на заднее сиденье суну.

– При таком сервисе на чай можете не рассчитывать, – с достоинством заявил Артур, усевшись на свое место.

– Да мы не чайком баловаться привыкли, а водочкой, – беззаботно сказал таксист, разворачивая «Волгу» на площадке перед подъездом.

Местные старухи проводили машину с двумя ее седоками такими остановившимися взглядами, словно давным-давно померли на своей лавочке. Оглянувшись на них, Артур передернул плечами. Пренеприятнейшее ощущение. Точно сосульку за шиворот сунули. Раздраженно побарабанив пальцами по черному футляру ноутбука, он покосился на таксиста и спросил:

– Почему дворами едем? Нельзя было сразу на Тверскую вырулить?

– Там только правый поворот, – пояснил водитель, лихо петляя между домами. – А на выезде гаишник пасется. Щуплый такой сержантик, маленький, а аппетит не хуже, чем у какого лейтенанта мордатого.

– Учтите, я за дополнительный километраж платить не намерен, – предупредил Артур, продолжая выстукивать на крышке чемоданчика сложный ритм с неожиданными синкопами. – Мне отлично известно, сколько стоит поездка отсюда до Шереметьева.

– Ни хрена тебе не известно! – рывкнул таксист с неожиданно прорезавшейся злостью в голосе. – Подорожал проезд!

– Когда это он подорожать успел? – запальчиво спросил Артур, вцепившись побелевшими пальцами в ноутбук.

– А вот прямо сейчас! Только что!

Скрипнув тормозами, «Волга» остановилась в каком-то грязном тупике, едва не коснувшись бампером полуразрушенной скамейки. Справа высился гараж, на боку которого неизвестный мыслитель вывел ядовито-желтой струей: «LIVE = EVIL». Артур впервые осознал, что жизнь по-английски означает то же самое, что злоба, только наоборот. А еще он понял, что эта самая жизнь лично у него теперь тоже может пойти на перекося, шиворот-навыворот.

– Я буду звать на помощь мне люди! – взвизгнул он, путая русскую грамматику с английской.

– Только погромче надо, – деловито сказал таксист. – Давай лучше вместе заорем. На счет три. Раз...

Артур открыл рот. Он так и не понял, собирался ли закричать раньше времени или просто опешил от неожиданного предложения. Чудовищной силы удар по гортани выбил из его головы почти все мысли, которые успели там появиться. Осталась только самая коротенькая: «Шиздец!»

– Хр-р, – прохрипел он, – кх-х!

Это получилось у него так тихо, что даже воробьи, клевавшие всякий сор на земле, не удосужились вспорхнуть на окружающую площадку деревья. Прыгали себе на тоненьких лапках, равнодушно косясь на машину. Им было абсолютно безразлично, что там, внутри, один человек убивает другого. *Live is Evil.*

Артуру хотелось плакать.

– Ну вот. – Ущипнувший его за щеку таксист выглядел не на шутку озабоченным. – Теперь голос потерял. Как же ты на помощь звать будешь?

– Аг-х... С-ст...

Массируя горло, Артур открыл и закрыл рот. Жалкое сипение, вырывавшееся оттуда, усиливало ощущение полного бессилия и обреченности.

– Ну, это ерунда, – сказал таксист, заглянув в его глаза. – Главное – сохранить жизнь. Согласен?

Артур с готовностью кивнул. В тот момент, когда его голова согласно наклонилась, новый удар едва не снес ее с плеч долой.

«Он ударил меня в висок, а хрустнула челюсть, – отстраненно подумал Артур. – И весь мир почему-то перекошило. Наверное, мозги у меня накре... набре... набекрень».

Приподнявшись, таксист с остервенением заработал кулаками. Через мгновение у Артура в голове не осталось ничего, кроме гудения и багрового тумана, в котором ритмично вспыхивали яркие огни. Впрочем, вырисовывалось в этом хаосе еще кое-что, напоминающее всполошившегося головастика. Та самая мыслишка про полный шиздец, которая металась из одного уголка сознания в другой, нигде не находя пристанища.

* * *

Вместо того чтобы нырнуть в арку, ведущую к памятнику Юрия Долгорукого, Гарик свернул в соседний двор и очень скоро вышел к бывшему архиву опять же бывшего института марксизма-ленинизма. Раскинувшийся напротив сквер еще помнил те славные времена, когда сживали в нем совсем другие люди, идеологически выдержанные, трудовыми подвигами закаленные, умеющие с первого взгляда отличить бородатого Карла от не менее бородатого Фридриха. Теперь шлялись тут по большей части всякие тунеядцы в развернутых козырьками назад кепках, хлещущие продвинутое «Клинское» пиво. И каждый был готов доказать любовь даме своего сердца наличием презерватива в кармане. Что ж, хорошо, если хотя бы секс станет в России безопасным. Потому что жизнь здесь – только держись!

Гарик в сердцах сплюнул, попав в жирного голубя, поленившегося взлететь. Он просто вперевалочку отбежал в сторонку, раскачивая на ходу непропорционально маленькой головкой.

Завидую его беспечности, Гарик прошелся по Столешникову переулку. Здесь он нырнул во двор перестраиваемого под офис купеческого особняка и беспрепятственно проник на второй этаж, где все напоминало последствия недавней бомбежки или землетрясения. Рабочие лениво матерились внизу, то ли разгружая грузовик, то ли, наоборот, наполняя его кузов строительным мусором. В перебранке гегемонов смысла было не больше, чем в треске бульдозера, утюжащего землю снаружи.

Пристроившись возле относительно чистого подоконника, Гарик выложил на него свой небогатый улов. Паспорт гражданина Соединенных Штатов. Бумажник, в котором, помимо пятисот долларов и рублевой мелочи, находился авиабилет в Нью-Йорк на 14.45, помеченный сегодняшней датой. Стопочка кредитных карточек, на которых, как признался американец, давно уже хоть шаром покати. Орден Ленина из золота и платины, за который, по его же словам, на Брайтоне без лишних разговоров дадут четыре сотни. Наконец, ноутбук, самый ценный трофей. Хорошая вещь, спору нет, однако выручить за нее можно было максимум полторы штуки. А чтобы дожить до завтрашнего дня, а потом – до послезавтрашнего и так далее, Гарику требовалось денег раз в пятьдесят больше.

– Ох и сука же ты, Машутка! – прошипел он, подбив неутешительный итог. – Тебе, значит, шутки, а мне – ком в желудке? Я ж двоих мужиков из-за тебя, паскуды...

Не договорив, Гарик ударил кулаком по подоконнику и, ойкнув, опустился на колени, баюкая ушибленную руку на груди. Боль скоро унялась. Смертельная тоска никуда не делась, гнездясь где-то в середине груди. Там будто червь завелся, готовый пожрать Гарика изнутри.

Идти на поклон к Рауфу с таким скромным подношением не имело смысла. Лучше просто спустить деньги суток за двое, а напоследок обколоться до одурения, чтобы ничего не соображать, когда азербанье, по-своему гыркая, казнить примется. Да только и эта надежда была слабенькой. От Рауфа легкой смерти не дождешься. Он наизнанку вывернет, толченым стеклом набьет и плясать заставит. Эти вездесущие азиаты толк в веселье знают, тут они мастаки. Что бы придумать такого, чтобы больше никогда не пересекаться с ними?

Выпрямившись, Гарик тщательно отряхнул перепачканные пылью колени, провел по волосам расческой, в рукоятке которой таилось обоюдоострое вольфрамовое жало. Нельзя ходить по центру Москвы в растрепанном виде, привлекая к себе внимание. Хорошо еще, что клинок не пришлось пускать в ход, а то кровью бы с ног до головы измарался. Но обошлось. Американец легко умер, легко и быстро. Во всяком случае, так показалось Гарику.

Он помотал головой, отгоняя от себя видение. Зрачки у мистера Задова под конец такими огромными сделались, словно он глядел на своего мучителя сквозь невидимые линзы. Так и подход с этими выпученными глазами. Не дай бог, во снах теперь являться повадится, фраер забугорный. Это произошло, когда Гарик, разложив американца на заднем сиденье, уселся на него верхом, держа в руке штопор, выуженный из бардачка «Волги». В кредитных карточках Гарик разбирался еще хуже, чем свинья в апельсинах, а потому он намеревался как следует допросить пленника, прежде чем накинуть ему на голову полиэтиленовый кулек и, не церемонясь, перерезать ему глотку.

В ноздрах у человека нервных окончаний – что корешков у травы, хрен сосчитаешь. Плюс всякие сосуды да нежные хрящики. Каково им приходится под грубым напором, Гарик на собственном опыте знал, побывав однажды в очень похожей переделке, только на месте американца. Он тогда таким говорливым сделался, что его по голове колотить пришлось, чтобы заткнуться заставить.

Ну, и мистер Задов отмалчиваться не стал, все как на духу выложил, как только заметил, куда нацелен сверкающий буравчик. Гарик за штопор на всякий случай взялся: а вдруг американец недоговаривает чего-то, темнит? Да только через пару секунд вопросы стало задавать некому. Слабенькое сердечко у Задова оказалось, трусливое. Гарик даже поднажать как следует не успел и – здарсьте, приехали! Был американец, а стал неопознанный труп в машине. *Пока* неопознанный, мысленно поправился Гарик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.